

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НОВОСИБИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Ю. В. Фоменко

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ,
ФОРМЫ И КАТЕГОРИИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Учебное пособие

НОВОСИБИРСК

1996

ББК 81.

Ф 761

Печатается по решению редакционно-издательского совета

Автор — д-р филол. наук проф. **Ю. В. Фоменко**.
Грамматические значения, формы и категории в
русском языке: Учебное пособие.— Новосибирск:
Изд. НГПУ, 1995.— 60 с.

ISBN 5 — 85921—010—8

Настоящее пособие содержит подробную характеристику таких важных и трудных для осмысления явлений языка, как грамматические значения, грамматические формы и грамматические категории.

Пособие адресуется студентам-филологам, аспирантам, вузовским преподавателям, научным работникам, а также школьным учителям.

Научный редактор — канд. филол. наук **М. П. Алексеева**

Рецензенты: **кафедра** общего языкознания Новосибирского государственного университета; **кафедра** общего и исторического языкознания Новосибирского государственного педагогического университета

ISBN 5—85921-010-8

© Новосибирский государственный
педагогический университет, 1995

ВВЕДЕНИЕ

Как мы уже знаем¹, слово является двусторонней единицей языка, т. е. имеет содержание (план содержания) и форму (план выражения). Содержание слова включает в себя 4 компонента: лексический (денотативный, обычно — лексическое, предметное, вещественное значение), грамматический (грамматическое значение), эмоционально-оценочный (эмоционально-оценочная окраска) и стилистический (стилистическая окраска). Форма слова — это его звуковая оболочка, а также морфологическое оформление и словообразовательная структура. Предметом рассмотрения в настоящем учебном пособии является грамматическое значение (ГЗ), а также соотносительные с ним грамматическая форма (ГФ) и грамматическая категория (ГК). Проблема ГЗ, ГФ и ГК относится к числу самых важных и трудных проблем современного языкознания. Несмотря на большую литературу вопроса, единства в понимании природы ГЗ, ГФ и ГК нет:

Задача настоящего пособия — проанализировать имеющуюся учебную и научную литературу вопроса и попытаться предложить читателю наиболее адекватные интерпретации упомянутых выше понятий.

ГЛАВА 1

ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ

1. Признаки грамматических значений

Известно, что в содержание каждого полнозначного слова входят лексические значения, грамматические значения, эмоционально-оценочный и стилистический компоненты. Лексическое (иначе — вещественное, предметное, денотативное) значение —

---

¹ См.: **Фоменко Ю. В.** Учение о слове: Учеб. пособие. — Новосибирск, 1991.

это гносеологический образ предмета, это отражение (идеальный образ, слепок, отпечаток) предмета в человеческом сознании; это знание о мире, квант информации, закрепленный за языковым знаком (см.: Фоменко, 1991, с. 11). Дифференциальные признаки грамматического значения мы будем выделять с помощью последовательного сопоставления его со значением лексическим.

1) Возьмем в качестве примера слово *волк*. Его лексическое значение («хищное животное, обычно серой окраски, родственное собаке») свойственно только этому слову и никакому другому. Следовательно, лексическое значение индивидуально. Что же касается присущих слову *волк* значений мужского рода, единственного числа и именительного падежа, то они свойственны не только слову *волк*, но и тысячам других слов русского языка (например, словам *медведь*, *лев*, *тигр*, *енот*, *генерал*, *бригадир*, *пилот* и т. д.). Такие значения принято называть грамматическими. Если лексическое значение индивидуально, то грамматическое значение категориально, т. е. свойственно целым большим классам (категориям) слов (см.: Потебня, 1958, с. 35, 36; Стеблин-Каменский, 1954, с. 164; Гвоздев, 1958, с. 103; Общ. яз., 1972, с. 200; Головин, 1973, с. 136).

Лексическое значение отражает класс однородных предметов (вещей, явлений, признаков, действий), а грамматические значения — сопутствующие признаки больших множеств разнородных явлений (а также — иногда — их интерпретацию). Например, значение мужского рода свойственно и слову *волк*, и слову *лев*, и слову *тигр*, и тысячам других слов (имен существительных); значение единственного числа свойственно и слову *город*, и слову *большой* (*большой город*), и слову *пишу*, и тысячам других слов разных классов (частей речи). Грамматические значения, по-видимому, можно назвать абстрактно-признаковыми (см., напр.: Степанов, 1975, с. 126). «В отличие от лексического грамматическое значение, — пишет Л. А. Новиков, — отражает не внутренние предметно-логические свойства объектов класса..., а свойства, вытекающие из различного рода типизированных отношений этих объектов класса к некоторым универсальным понятиям: к числу..., к моменту речи..., к внутреннему пределу... и т. п.». (Новиков, 1982, с. 13). Важно еще раз подчеркнуть, что, как и ЛЗ, грамматические значения имеют отражательный характер. «...Значения категориальных показателей, — пишет А. В. Исаченко, — так или иначе связаны с явлениями внешнего мира» (Исаченко, 1961, с. 31). «...Грамматические значения представляют собой обобщенное отражение объективного. В этом отношении они сходны с лексическими значениями...» (Крушельницкая, 1967, с. 218—219). «...Онтологически грамматические

значения принципиально не отличаются от лексических» (Васильев, 1964, с. 52; см. также: Галкина-Федорук, 1957, с. 368; Никитин, 1964, с. 45; Кодухов, 1967, с. 104—105; Салькова, 1971, с. 179). «Правда, — замечает Б. Н. Головин, — не нужно искать во всех случаях прямую и очевидную связь грамматических: значений с действительностью. Эта связь нередко бывает и не прямой и не очевидной. Например, современный русский человек не видит и не понимает, чему в реальном мире соответствует деление имен существительных на три рода — мужской, средний и женский» (Головин, 1973, с. 139). «В таких и подобных случаях грамматическое значение действительно становится формальным: оно указывает лишь на то, что слово принадлежит определенному классу слов или их форм (роду, склонению, спряжению). История языка «выветрила» из грамматических форм их реальное когда-то содержание» (Головин, 1973, с. 139). С этим высказыванием Б. Н. Головина полностью согласиться нельзя. Если «история языка «выветрила» из грамматических форм их реальное когда-то содержание», то это значит, что мы имеем дело не с трудно уловимым содержанием («формальным значением»), а с бессодержательной, пустой формой. Такими бессодержательными формами являются, например, формы рода у неодушевленных имен существительных. Дело не в том, что «современный русский человек не видит и не понимает, чему в реальном мире соответствует деление имен существительных на три рода — мужской, средний и женский», а в том, что эти три рода у неодушевленных имен существительных в реальном мире не соответствуют ничему. «У подавляющего большинства имен существительных, — говорит В. В. Виноградов, — у тех, которые не обозначают лиц и животных, форма рода нам представляется немотивированной, бессодержательной. Она кажется пережитком давних эпох, остатком иного языкового строя, когда в делении имен на грамматические классы отражалась свойственная той стадии мышления классификация вещей, лиц и явлений действительности. Теперь же форма рода у большей части существительных относится к области языковой техники» (Виноградов, 1947, с. 58). Другое дело — значения рода у одушевленных имен существительных (*мужчина, женщина, дитя*). Грамматические значения рода у одушевленных имен существительных отражают (хотя и не зеркально) половую дифференциацию живых существ.

Понятийное пространство грамматических значений намного уже понятийного пространства лексических значений. «...Нет такой грамматической семы, которая не имела бы эквивалентной лексической семы, но не наоборот», — пишет Е. И. Шендельс

(1982, с. 78). «Те или иные грамматические значения и соответствующие формы их выражения не могут возникнуть в языке, если эти значения предварительно не получали того или иного выражения в лексической системе языка» (Панфилов, 1977, с. 274). «...Лексические и грамматические значения, несмотря на сходство компонентов в структуре их значения, качественно различаются по своему объекту и характеру»; — утверждает Л. А. Новиков (1982, с. 13). «Качественное различие между грамматическими и лексическими значениями, — пишет К. Г. Крушельницкая, — обусловлено, прежде всего, характером отражаемого объекта. Если в лексических значениях отражаются предметы и явления..., то в грамматических значениях отражаются наиболее общие отношения между предметами и явлениями» (Крушельницкая, 1967, с. 217).

Грамматические значения всегда сопровождают значение лексическое, являются дополнительными по отношению к нему (см.: Шахматов, 1941, с. 420 и 434; Смирницкий, 1954, с. 15—16; Стеблин-Каменский, 1954, с. 164; Иванова, 1956, с. 108; Моисеев, 1956, с. 126; Ахманова, 1957, с. 65; Маслов, 1975, с. 158). Например, значение единственного числа в словоформе *плыву* является дополнительным по отношению к лексическому значению «передвигаюсь в воде с помощью рук и ног» и, следовательно, грамматическим.

Грамматические значения являются своего рода формой по отношению к лексическому. «Грамматические значения с понятийной точки зрения — классифицирующие, они — способ представления лексического значения слова», — пишет В. И. Кодухов (1963, с. 255; см. также: Стеблин-Каменский, 1954, с. 165). «Грамматические значения, — говорит П. В. Чесноков, — выполняют строевую роль в семантической структуре языковых построений...» (Чесноков, 1977, с. 47).

Грамматические значения несамостоятельны и, по мнению ряда исследователей, при естественном использовании слова в речи не находятся на уровне осознания (см.: Адмони, 1964, с. 41; Никитин, 1964, с. 45; Панфилов, 1971, с. 8; Шапкин, 1969, с. 73). «...Они не являются предметом нашей мысли, ...наша мысль никогда не сосредоточена на них...» (Стеблин-Каменский, 1954, с. 165). «...Содержание отдельного грамматического значения гораздо менее отчетливо выделено в нашем сознании, чем содержание отдельного лексического значения» (Стеблин-Каменский, 1954, с. 165—166). Грамматическое значение «не номинировано, не названо как особый предмет мысли в высказывании. Оно никогда не выступает как отдельная сущность...» (Никитин, 1964, с. 45). «Своеобразие грамматических значений состоит в том, что они, в отличие от лексических значений, не называются в на-

шей речи прямо, а выражаются попутно, как бы мимоходом» (Маслов, 1975, с. 158). Впрочем, эту мысль разделяют не все. Например, Л. М. Васильев пишет: «Нет никакого основания... считать, что грамматические значения вовсе не осознаются говорящими» (Васильев, 1964, с. 52).

Каков статус деривационных значений? А. А. Реформатский (а вслед за ним В. Н. Перетрухин и Л. А. Новиков) включает деривационное значение (например, значение суффикса *-ик-* в словоформе *столикам*) одновременно в лексическое и грамматическое значения (см.: Реформатский, 1967, с. 250). Однако, во-первых, лексическое и грамматическое значения не могут иметь общую часть, частично накладываясь друг на друга. «...Одно и то же языковое значение может быть либо лексическим, либо грамматическим, но не может быть тем и другим одновременно» (Никитин, 1964, с. 41). Значение словообразовательной морфемы является компонентом лексического (и только лексического!) значения. Например, значение суффикса *-ик-* («маленький») является составной частью (семой) лексического значения слова *столик* (и других слов, построенных по этой словообразовательной модели). Грамматического (обязательного) значения «маленький» в русском языке нет. Во-вторых, грамматические значения словоформы *столикам* (значения множественного числа и дательного падежа)! выражены окончанием *-ам*.

2) Грамматические значения противопоставляются лексическим по признаку конкретности/абстрактности. Лексические значения могут быть и конкретными, и абстрактными, и абстрактными, и конкретными (например, *доска* и *воля*), а грамматические значения всегда абстрактны (например, грамматические значения вида, наклонения, времени и др.); Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что в процессе грамматикализации² вовлекаются лишь слова с абстрактными лексическими значениями, «с элементами релятивности в семантике» (Серебренников, 1955, с. 63; см. также: Черкасова, 1967, с. 16). Примерами могут служить связочный глагол *быть*, предлоги *благодаря*, *ввиду*, *согласно*, союзы *хотя*, *точно* и другие. Грамматические значения — это абстракции от абстракции, абстракции второго порядка. Грамматическая абстракция надстраивается над абстракцией лексической.

В лингвистической литературе широко распространена точка зрения, согласно которой грамматические значения отражают

---

² Грамматикализация — это «утрата словом лексической самостоятельности в связи с привычным употреблением его в служебной функции» (Ахманова, 1966, с. 114), превращение единицы лексики в единицу грамматики.

отношения³ (см.: Шахматов, 1941, с. 420; Смирницкий, 1955, с. 22; Будагов, 1958, с. 192; Кузнецов, 1961, с. 12, 13; Никитевич, 1963, с. 10; Ахманова, 1966, с. 161; Крушельницкая, 1967, с. 217; Черкасова, 1967, с. 10; Розенталь, Теленкова, 1972, с. 75 и др.). Применительно к части грамматических значений эта точка зрения верна. Например, грамматическое значение родительного падежа в сочетании *дом отца* выражает отношение, дома к отцу — отношение принадлежности; грамматическое значение дательного падежа в сочетании *подарок отцу* выражает отношение подарка к отцу — отношение адресата; грамматическое значение винительного падежа в сочетании *вижу отца* выражает отношение отца к действию видеть — отношение прямого объекта (т. е. объекта, целиком охваченного соответствующим действием).

Отношения могут находить отражение и в лексических значениях (например, в лексических значениях существительных *отношение, соотношение, связь*), но, выраженные словами (в частности, существительными), они мыслятся как предмет, а выраженные тем или иным грамматическим показателем — «только как отношение» (Смирницкий, 1955, с. 22).

Однако было бы неправильно утверждать, будто бы грамматические значения выражают только отношения (см., напр.: Стеблин-Каменский, 1954, с. 159; Звегинцев, 1962, с. 356; Панфилов, 1971, с. 9). Например, грамматическое значение рода отражает половой признак живого существа, грамматическое значение числа — количество обозначаемых предметов, грамматическое значение вида — способ совершения действия, доведение (недоведение) его до некоторого результата (предела).

Грамматические значения могут различаться степенью абстрактности. Например, грамматическое значение числа вообще абстрактнее грамматических значений единственного и множе-

---

3 Одни авторы имеют в виду отношения между словами (см., напр.: Шахматов, 1941, с. 432; Черкасова, 1967, с. 13), другие — отношения между словами и — соответственно — обозначаемыми ими предметами. «Так называемые отношения между словами в речи, в предложении, — писал А. И. Смирницкий, — с одной стороны, вообще существуют лишь на основе реальных (или мыслимых как реальные) отношений, с другой же стороны — лишь изображают эти последние. В самом деле: если мы говорим, что в словосочетании *белое платье* слово *белое* относится к слову *платье* как определение к определяемому и что согласование в роде, числе и падеже «выражает» здесь это отношение, то мы лишь неточно выражаем ту мысль, что грамматические единицы, имеющиеся в этом словосочетании, обозначают наличие признака, обозначаемого словом *белый/-ая-ое*, у предмета, обозначенного как *платье*, в самой действительности» (Смирницкий, 1955, с. 31; выделено вторым. — Ю. Ф.). «Понимание «отношения» в грамматике как преимущественно отношения между словами, формами слов и т. п. идеалистически искажает существо дела...» (Смирницкий, 1955, с. 32).

ственного числа; грамматическое значение падежа вообще абстрактнее грамматических значений родительного, дательного и т. д. падежей.

3) Грамматические значения находятся в определенной зависимости от лексических, прежде всего — от их категориальных (частеречных) сем⁴ (см.: Виноградов, 1947, с. 15; Щерба, 1957, с. 64; Перетрухин, 1968, с. 200). Так, если в лексическое значение слова входит категориальная сема предметности, то у этого слова ожидаются и обнаруживаются грамматические значения рода, числа и падежа (*человек*); если в лексическое значение слова входит категориальная сема процессуальности, то у этого слова ожидаются и обнаруживаются грамматические значения вида, залога, наклонения, времени и лица (*иду*)⁵.

«Грамматические значения, — пишет Е. С. Кубрякова, — развивают и конкретизируют обычно ту общую идею, которая заложена в общекатегориальной семантике отдельных частей речи» (Кубрякова, 1978, с. 76). «По отношению к действию естественно задавать вопросы о том, где и как оно происходит, в каком отношении находится к моменту речи, кто является его исполнителем и на какой объект оно направлено, с какой целью оно осуществляется и т. п.». (Кубрякова, 1978, с. 76).

Грамматические значения могут зависеть также от лексических сем частного характера. Например, если глагол называет действие неодушевленного предмета, растения, животного, то он не имеет форму и значение 1 лица **ржавею*, **гасну*, **проклянусь*, **квакаю* и т. д.); если глагол обозначает действие множества лиц, то он не образует форму 1 лица единственного числа (**толплюсь*, **концентрируюсь*); если глагол называет мгновенное, однократное действие, то он не имеет форму и значение несовершенного вида (*очнуться*, *встрепенуться*, *опомниться*); если существительное обозначает сплошную массу вещества, то оно не имеет форму и значение множественного числа (*сметана*, *молоко*, *горох*); если относительное прилагательное получает качественное значение, т. е. начинает обозначать переменный признак предмета, то оно может получить форму и значение сравнительной степени (*Его язык стал еще деревяннее*). Е. И. Шендельс пишет: «Трудно найти правило в отношении образования какой-либо морфологической формы, которое не знало бы ограничений, связанных именно с лексической семантикой слов» (Шендельс, 1982, с. 78).

---

⁴ О статусе категориальных (частеречных) сем см. ниже.

⁵ С этой точки зрения неприемлемым является название (и идея) статьи Т. В. Бодровой «Как зависит значение глагола от вида и залога» (Рус. яз. и лит. в сред. учеб. заведениях УССР. — 1990. — № 5. — С. 70—71).

4) Можно ли противопоставлять грамматические значения лексическим по количественному признаку? Да, можно: число грамматических значений в каждом языке, в отличие от лексических, невелико. Грамматические значения легко исчислимы. Есть все основания считать, что это объясняется их абстрактностью.

5) Грамматические значения, в отличие от лексических, образуют четкие оппозиции, обычно состоящие из двух — трех членов (см.: Гухман, 1968, с. 155; Булыгина, 1968, с. 176; Клобуков, 1979, с. 38). К ним относятся, например, грамматические значения числа, наклонения, времени, лица и др. Оппозитивность — обязательное качество грамматического значения. Нельзя говорить о каком-либо грамматическом значении, если ему не противопоставлено другое (другие) однопорядковое (однородное) грамматическое значение (см.: Булыгина, 1968, с. 176). Например, поскольку в английском языке нет оппозиции двух или нескольких падежных значений, постольку нет оснований говорить о падеже вообще. Грамматические значения, входящие в одну оппозицию, охватываются более широким — родовым — грамматическим значением, именуемым грамматической категорией (см.: Смирницкий, 1957, с. 29 и 38; Моисеев, 1956, с. 127; Бондарко, 1976, с. 11—148). К Г. Крушельницкая характеризует грамматическую категорию следующим образом: «а) она включает по меньшей мере два соотносительных значения, т. е. отражает отношения, между которыми существует дизъюнктивная связь (оппозиция), — они однородны, но противоположны; б) эти отношения обязательно (по принципу альтернативы) выражаются специальными соотносительными грамматическими формами: некорневыми морфемами, чередованием фонем, служебными словами, местоположением, просодическими средствами» (Крушельницкая, 1967, с. 218).

б) Подавляющее большинство лингвистов придерживается мнения, что лексическое значение выражается основой слова, а грамматическое значение — служебной морфемой или каким-нибудь другим грамматическим средством (см.: Ахманова, 1957, с. 68; Кузнецов, 1961, с. 41; Крушельницкая, 1967, с. 218; Рус. яз. и сов. общество, 1968, с. 44; Плотников, 1984, с. 27). Будучи дополнительным в плане содержания, грамматическое значение является дополнительным и в плане выражения (см.: Ахманова, 1957, с. 68; Иванова, 1956, с. 108). Например, в словоформе *учительниц* + *а* лексическое значение выражено основой *учительниц*-, а грамматические значения — флексией *-а*.

Конкретный грамматический способ выражения грамматического значения называется грамматической формой. Выражение с помощью той или иной грамматической формы (грамматиче-

ского средства) – обязательный признак грамматического значения (см.: Ахманова 1957, с. 66). Специфику грамматических значений, подчеркивает Л. М. Васильев, «надо искать не в плане содержания, а в плане выражения: одно и то же содержание может быть выражено и лексически, и морфологически, и синтаксически» (Васильев, 1964, с. 51-52; см. также: Вандриес, 1937, с. 91; Стеблин-Каменский, 1954, с. 163; Никитин, 1964, с. 45; Касевич, 1977, с. 56; Клобуков, 1979, с. 21). Например, в словосочетании *я вел* значение 1 лица выражено самостоятельным словом *я* (лексически), а в словоформе *веду* — флексией (морфологически); в слове *профессура* значение множественности выражено словообразовательным суффиксом собирательности (лексически), а в словоформе *профессора* — флексией (морфологически); в словосочетании *приблизительно 200 человек* значение приблизительности выражено самостоятельным словом (лексически), а в словосочетании *человек 200* — порядком слов (синтаксически). В связи с этим грамматические значения иногда называют формальными (см.: Аванесов, Сидоров, 1945, с. 69; Ахманова, 1966, с. 161).

Грамматическое значение, в отличие от лексического, может быть выражено нулем звука, нулевой формой (см.: Ахманова и др., 1961, с. 35): *дом_*, *строил_*, *унес_*.

7) Американский лингвист Ф. Боас (см.: Ахманова и др., 1961, с. 34; Зализняк, 1967, с. 25; Общ. языкознание, 1972, с. 206; Касевич, 1977, с. 55; Бондарко, 1978, с. 143, 154—161; Клобуков, 1979, с. 38; Якобсон, 1985, с. 231) предложил делить языковые значения на обязательные и необязательные. Согласно Ф. Боасу, обязательными должны считаться те значения, которые появляются в речи в обязательном (принудительном) порядке, независимо от воли и намерений говорящего, каждый раз, когда в высказывании появляется слово (часть речи), способное иметь данное значение. Таковы, например, значения вида и времени, которые появляются в речи каждый раз, когда в ней используется глагольное слово. Обязательность — признак грамматических значений. Лексические значения не являются, обязательными, т. е. не навязываются говорящему системой языка, а используются им в соответствии с его волей.

Следствием обязательности грамматического значения является его высокая частотность и грамматическая избыточность речи (см.: Бондарко, 1978, с. 104, 158, 159, 161).

8) Известно, что любое многозначное слово фигурирует на уровне речи не во всех, а лишь в одном своем значении. Например, слово *рукав* выступает то в значении «часть одежды, покрывающая руку», то в значении «ответвление, отходящее от главного русла реки», то в значении «труба или кишка для от-

вода жидкостей, газов, сыпучих тел». Иначе ведет себя многозначная флексия, являющаяся средством выражения грамматических значений: она остается многозначной и на уровне речи. Например, в словоформе *подруга* флексия одновременно выражает грамматические значения женского рода, единственного числа и именительного падежа. Этот признак флексии (и грамматического значения) называют «одновременной многозначностью» (Маслов, 1952; с. 161), «синтетосемией» (Денисов, 1980, с. 11), «кучностью» (Хаймович, 1968, с. 47—48)⁶.

9) Если какое-либо значение находится в регулярных отношениях с грамматическим значением, то оно само есть грамматическое значение. Например, значение вида находится в регулярных отношениях с грамматическим значением времени и само является грамматическим. Лексическое (индивидуальное) значение находится в регулярных отношениях с грамматическим (категориальным) значением не может⁷.

К этим (отмеченным в литературе) признакам грамматического значения добавим еще один.

10) Известно, что лексическое значение обычно многокомпонентно, т. е. включает в себя не менее двух сем. А грамматическое значение? Есть основания предполагать, что оно однокомпонентно, «односемно». Это объясняется тем, что грамматическое значение отражает какой-то абстрактный признак целого класса вещей. Моносемность грамматических значений связана с их оппозитивностью (и наоборот) и с «одновременной многозначностью».

После всего сказанного грамматические значения можно определить следующим образом: это значения, сопровождающие лексические, отражающие признаки, свойственные большим классам предметов, и выражающиеся с помощью того или иного грамматического средства.

Грамматические значения делятся на морфологические и синтаксические. Морфологические значения — это грамматические значения слов (и эквивалентных им фразеологизмов), синтаксические значения — это грамматические значения предложений, это грамматические значения, выраженные синтаксическими средствами: аффиксами (главным образом флексией), служебны-

---

⁶ См. также: Пешковский, 1956, с. 18, 23; Адмони, 1964, с. 40—47; Реформатский, 1965, с. 73; Бондарко, 1971, с. 109; Бондарко, 1976, с. 144—148; Ярцева, 1975, с. 15—16.

⁷ Отмеченные признаки грамматических значений взаимодействуют друг с другом. Например, легко просматривается связь таких признаков, как категориальность, абстрактность, оппозитивность, количественная ограниченность, зависимость от частеречной семы лексического значения. См. замечание по этому поводу в книге «Общее языкознание: Внутрен. структура яз.», с. 209.

ми словами (предлогами, союзами и связкой), интонацией (паузами, мелодикой, ударением) и порядком слов (отдельно или в сочетании). Морфологические значения изучены гораздо лучше. О них и шла речь до сих пор. Изучение синтаксических значений только начинается. Никто не сделал даже попытку составить полный (или относительно полный) список синтаксических значений русского языка.

К числу синтаксических значений русского языка есть основания отнести предикативность (модальность и время), повествовательность, побудительность и вопросительность, восклицательность и невосклицательность, значения подлежащего, сказуемого, определения, дополнения и обстоятельства, однородность и неоднородность, сравнительность, точность и приблизительность, вводность, вставочность, полупредикативность (значение обособления), тему и ремю (это — синтаксические значения в рамках простого предложения); синтаксические значения придаточных изъяснительных, определительных, компаративных, меры и степени, сравнительных, сопоставительных, присоединительных и обстоятельственных (места, времени, причины, цели, следствия, условия и уступки) (это — синтаксические значения в рамках сложноподчиненного предложения); синтаксические значения соединительности, перечислительности, сопоставительности, противительности, разделительности, градационности и пояснительности (это — синтаксические значения в рамках сложносочиненного предложения); синтаксические значения объяснения, пояснения, причинно-следственные и противительно-уступительные (это — синтаксические значения в рамках бессоюзного сложного предложения); синтаксические значения сочинения и подчинения (это — синтаксические значения в рамках как простого, так; и сложного предложения).

В силу недостаточной изученности синтаксиса этот список может оказаться (и скорее всего окажется) неполным и неточным.

2. О статусе частеречных значений

Каков статус частеречных значений?

Традиция относит их к грамматическим значениям. Однако мы, располагая длинным списком различительных признаков грамматических значений, имеем основания усомниться в этом. Грамматические значения, во-первых, характеризуются оппозитивностью и, во-вторых, тем, что выражаются с помощью грамматического средства. У частеречных значений этих признаков нет. Во-первых, у них нет признака оппозитивности. Например, значение «предметность» не имеет соответствующего противочлена (противочленов) — однородного и противопоставленного зна-

чения. Во-вторых, частеречные значения не выражаются с помощью специальных грамматических форм (средств). Например, значение «предметность» не выражено ни специальным окончанием, ни суффиксом, ни префиксом. Наконец, известно, что грамматическое значение сопровождает лексическое, сопутствует ему. Что касается частеречного значения, то оно, как кажется, не сопровождает лексическое, а входит в него на правах ядерной (родовой) семы⁸.

Известно, что грамматические омонимы типа *печь* — *печь* различаются частеречными семами. В то же время такие слова признаются самостоятельными лексемами с несовпадающими лексическими значениями. Из этого, по видимому, следует, что частеречные семы входят в лексическое значение.

Близкую к этой точку зрения в свое время высказал А. Н. Савченко. Значения частей речи, писал он, «нельзя признать... чисто грамматическими» (Савченко, 1959, с. 36). «Грамматическое значение только присоединяется к основному значению слова, но качественно отличается от него, представляя собой иное понятие» (Савченко, 1959, с. 36). «Значение же части речи — результат обобщения всех основных, т. е. лексических, значений слов, входящих в нее, и не является понятием, качественно отличным от них» (Савченко, 1959, с. 36). «Наиболее очевиден, — добавляет А. Н. Савченко, — лексический характер значения части речи в числительном» (Савченко, 1959, с. 36).

3. О значениях служебных слов

Поставим теперь перед собой следующий вопрос: каковы значения служебных слов — предлогов и союзов? Одни языковеды (например, К. С. Аксаков, Н. П. Некрасов, Д. Н. Овсянко-Куликовский, А. И. Смирницкий, Е. Т. Черкасова, Р. П. Рогожникова и др.) считают значения служебных слов лексическими (вариант этой точки зрения: предлоги имеют и лексическое, и грамматическое значения), другие (М. В. Ломоносов, А. А. Потебня, Ф. Ф. Fortunатов, А. А. Шахматов, М. И. Стеблин-Каменский, В. С. Бондаренко и др.) — грамматическими. Сторонники этой точки зрения ссылаются на то, что предлоги и союзы выражают отношения (между словами и — далее — обозначаемыми ими явлениями объективной действительности). Однако этот аргумент нельзя признать достаточно убедительным. Не аргументирована

---

⁸ По мнению М. В. Никитина, «общее значение разряда слов, поскольку оно не выражено особой единицей того же разряда, а является обобщающей абстракцией, вообще не является лингвистическим значением, ни лексическим, ни грамматическим. Это — примеры логического значения» (Никитин, 1964, с. 46).

и первая точка зрения. Иначе говоря, вопрос о характере значения служебных слов до сих пор оставался открытым. Теперь же, располагая полным перечнем различительных признаков грамматического значения, мы можем получить более убедительный ответ на вопрос о характере значения служебных слов. Итак, попытаемся определить характер значения предлогов и союзов, последовательно прилагая к ним выделенные нами признаки грамматического значения.

1) Значения служебных слов являются не категориальными, а индивидуальными. Например: *за, перед, под, над; и, а, зато*. Это признак лексического значения. Значения предлогов и союзов не являются дополнительными, сопровождающими другие. Значение служебного слова нельзя расчленить на два компонента — лексический и сопровождающий его грамматический. Содержание служебного слова состоит из одного компонента, и этот компонент может быть определен только как лексический, поскольку — повторим — грамматическое значение является сопровождающим, т. е. не может быть в слове единственным.

2) Значения служебных слов часто бывают конкретными, указывающими, например, на то или иное определенное положение предмета по отношению к другому предмету. Таковы, в частности, значения предлогов *на, над, под, за*. Это признак лексического значения.

3) Значения служебных слов не находятся в зависимости от частеречной семы их лексических значений. Это положение прямо вытекает из пункта первого.

4) Число значений служебных слов весьма велико и не поддается точному исчислению (по крайней мере, в лингвистической литературе никогда не фигурировало точное число предлогов и союзов русского языка, тем более — их значений). Более того: число предлогов и союзов растет. Сказанное дает основание считать, что значения служебных слов стоят ближе к лексическим.

5) Значения служебных слов не образуют четких оппозиций и не входят в замкнутое, ограниченное число грамматических категорий. Это признак лексического значения.

6) Значения служебных слов выражаются не служебной морфемой (или каким-либо другим грамматическим средством), а словом в целом. Это признак лексического значения.

Значения служебных слов не могут быть выражены нулем звука, нулевой морфемой (так же, как и лексические значения).

7) Значения служебных слов не являются обязательными. Например: *Мы отказались от поездки, потому что неожиданно пошел дождь ---> Неожиданно пошел дождь, и мы отказались от поездки*. Вообще признак обязательности связан с признаком

дополнительности. Если значения предлогов и союзов не имеют признака дополнительности, то они не имеют и признака обязательности.

8) Многозначные служебные слова всегда выступают в речи в одном из своих значений, а не во всех одновременно. Это-признак слова, а не морфемы (флексии).

9) В регулярных отношениях с грамматическими значениями значения служебных слов, по-видимому, не находятся. Это признак лексического значения.

10) Предварительный анализ показывает, что значениям служебных слов свойственна односемность. Это признак грамматического значения.

Из всего сказанного вытекает, что значения служебных слов не являются грамматическими в строгом смысле этого термина. Значения служебных слов стоят ближе к лексическим.

В то же время необходимо учитывать их специфику. Служебные слова выражают отношения, не выполняют номинативную функцию, не обладают признаком самостоятельности и не являются членами предложения. Все это сближает их со служебными морфемами (флексиями). Э. М. Джемакулова (О структурной соотносительности приставочного деривата и предложного сочетания // Уч. зап. / Тартус. ун-т. — 1980. — Вып. 537. Вопр. рус. аспектологии. 5. — С. 35) предложила называть значения служебных слов комбинационными. В этом предложении несомненно есть рациональное зерно.

4. О типологии языковых значений И. А. Мельчука

Общепринятой типологии грамматических значений в языкознании нет. Имеются лишь отдельные неразвернутые высказывания по этому вопросу.

Оригинальная типология языковых значений предложена И. А. Мельчуком. По признаку обязательности/необязательности он делит языковые значения на грамматические и неграмматические, а по содержательному признаку — на лексические и синтаксические⁹. «1. Когда означаемыми являются отношения

---

⁹ Эта точка зрения перекликается с точкой зрения А. А. Шахматова, писавшего: «Грамматическое значение языковой формы противопоставляется реальному ее значению. Реальное значение слова зависит от соответствия его как словесного знака тому или иному явлению внешнего мира; грамматическое значение слова — это то его значение, какое оно имеет в отношении к другим словам» (Шахматов, 1941, с. 431—432; выделено автором.— Ю. Ф.). Однако, добавлял А. А. Шахматов, некоторые грамматические значения тоже отражают «явления, данные в внешнем мире» (Шахматов, 1941, с. 432), например грамматическое значение числа у существительного.

между языковыми элементами (морфемами, словами, предложениями и т. д.), т. е. когда одни языковые элементы служат символами отношений между другими языковыми элементами, мы будем говорить о синтаксических значениях.

2. Во всех прочих случаях, т. е. когда означаемыми являются не языковые отношения, а нечто лежащее вне языка: или какие-то факты действительности (предметы, действия, свойства, абстрактные понятия, представления и т. д.), или отношение высказывания к действительности, т. е. когда языковые элементы служат символами чего-то внеязыкового, мы будем говорить о лексических¹⁰ значениях»¹¹ (Мельчук, 1961, с. 33; выделено автором. — Ю. Ф.). Эти классификации перекрещиваются: некоторые грамматические значения одновременно являются и лексическими, и наоборот. «Например, значение числа существительных в русском языке является лексическим (различия существительных в числе связаны с внеязыковыми различиями) и грамматическим (так как число существительных в русском языке выражается обязательно). Значения рода, числа и падежа у прилагательных в русском языке также грамматические, но уже синтаксические (различия прилагательных в роде, числе и падеже не связаны ни с какими внеязыковыми различиями, а отражают только синтаксические связи прилагательного)» (Мельчук, 1961, с. 35).

Уязвимость этой типологии бросается в глаза. Ее осознавал и сам И. А. Мельчук, когда писал: «Правильнее было бы называть несинтаксические значения референционными, а среди референционных различать лексические и какие-то другие (! — Ю. Ф.) типы значений» (Мельчук, 1960, с. 28; выделено автором. — Ю. Ф.). Почему же он не воспользовался более «правильным» термином референционные значения? Почему не нашел подходящее название для «каких-то других» типов значений? Почему

---

¹⁰ Лексическими значениями принято называть индивидуальные значения слов, выражаемые их основой (или словами в целом). Использовать этот термин как для обозначения значений слов, так и для обозначения значений морфем (в том числе грамматических) и неудобно, и, по-видимому, нецелесообразно. А. А. Зализняк (1967, с. 23) и некоторые другие авторы называют «лексические значения» И. А. Мельчука «номинативными». Этот термин представляется чуть более уместным, но он тоже неточен: поскольку морфемы не выполняют номинативную функцию, постольку их значения неверно называть «номинативными».

¹¹ Чтобы дать более ясное представление о позиции И. А. Мельчука, приведем его определение лексики, грамматики и синтаксиса: «Лексика изучает выражение внеязыковых факторов, а синтаксис — выражение всевозможных отношений между языковыми элементами. Грамматика занимает промежуточное положение между лексикой и синтаксисом: она изучает и лексические и синтаксические значения, но только те, выражение которых обязательно в данном языке (т. е. грамматические значения)» (Мельчук, 1960, с. 32).

му отказался от термина 'морфология', резко перестроив всю соответствующую понятийно-терминологическую систему? Почему, в нарушение традиции, вывел синтаксис за пределы грамматики? Почему называет лексическими как значения слов, так и значения части служебных морфем? Почему он считает, что есть значения («синтаксические значения»), которые не отражают внеязыковую действительность? Ведь значение (по определению!) имеет отражательную природу. А. А. Зализняк, принимая типологию значений И. А. Мельчука, делает справедливую оговорку: «Неверно было бы считать, что синтаксические элементы значения словоформ вообще не участвуют в отражении внеязыковой действительности. Так, например, атрибутивная синтаксическая связь между словоформами *белый* и *дом* в словосочетании *белый дом* отражает внеязыковое отношение между домом и белизной (а именно то, что свойство белизны принадлежит дому)... В связи с этим следует признать обоснованным взгляд, согласно которому сам термин «значение» не должен применяться к синтаксическим элементам внутренней стороны словоформ (поскольку эти элементы сами по себе ничего не обозначают); см.: Е. В. Падучева. Об алгоритме анализа английского языка (для перевода через язык-посредник). «Лингвистические исследования по машинному переводу». М., Изд-во ВИНТИ, 1961, стр. 213. — Однако такой подход создает терминологические неудобства; поэтому мы и далее будем использовать традиционный термин «синтаксическое значение», несмотря на его неточность» (Зализняк, 1967, с. 24; выделено автором. — Ю. Ф.). В связи с последней фразой этого высказывания хочется заметить: во-первых, термин «синтаксическое значение» И. А. Мельчука вовсе не является традиционным, а, напротив, резко порывает с традицией; во-вторых, понятийную точность нельзя приносить в жертву терминологическому удобству.

Не случайно типология языковых значений И. А. Мельчука не нашла отражения на страницах учебных пособий для вузов.

5. Об отражательной природе грамматических значений

Мысль о том, что некоторые (или все) грамматические значения не отражают внеязыковую действительность, встречается у значительного числа авторов. Например, В. Н. Перетрухин пишет: «Одним из этих значений в объективной действительности соответствуют определенные предметы, действия и признаки, т. е. реалии. Такие значения называются лексическими. Другие же значения ничего материального (? — Ю. Ф.), реально существующего (? — Ю. Ф.) в окружающем нас мире не обозначают (? — Ю. Ф.) и выражают лишь дополнительные смысловые

оттенки (! — Ю. Ф.) или (? — Ю. Ф.) отношения между словами в предложении (? — Ю. Ф.). Эти значения принято считать грамматическими, сопутствующими» (Перетрухин, 1968, С. 198; выделено автором. — Ю. Ф.). Если грамматические значения не отражают те или иные признаки внеязыковой действительности, то их нельзя считать и называть значениями. Незначимых значений нет. И понимание этого в неявной форме проглядывает в только что приведенном высказывании В. Н. Перетрухина, в его словах о том, что грамматические значения «выражают... дополнительные смысловые оттенки».

Грамматические значения, пишет В. Н. Перетрухин, «не имеют предметной соотнесенности (? — Ю. Ф.), но в той или иной мере отражают лексические значения (? — Ю. Ф.) и через них понятия» (? — Ю. Ф.) (Перетрухин, 1968, с. 200). Если, однако, грамматические значения отражают понятия (? — Ю. Ф.), а понятия отражают предметы и явления объективной действительности, то и грамматические значения должны отражать последнюю (или представлять собою ее интерпретацию).

Совершенно неприемлемо определение грамматического значения в «Грамматике современного русского литературного языка» (М., 1970. — С. 302): «Грамматическое значение слова — это такое абстрактное значение слова, которое, определяясь его принадлежностью к тому или иному классу (! — Ю. Ф.), формируется на основе парадигматических отношений, т. е. в системе форм самого слова (! — Ю. Ф.), и синтагматических связей, т. е. в словосочетании и предложении» (! — Ю. Ф.) (выделено автором. — Ю. Ф.). Известно, что значение — это отражение того или иного фрагмента объективной действительности. Нет и не может быть значения, формирующегося внутри языка, благодаря языку и не направленного на внеязыковую действительность, предметный мир.

Вопросы для самопроверки

1. Перечислите различительные признаки грамматического значения.
2. Имеют ли грамматические значения отражательный характер?
3. У каких существительных форма рода является асемантической, бессодержательной?
4. Каков статус деривационных значений?
5. Все ли грамматические значения отражают отношения?
6. Зависят ли грамматические значения от лексических сем?
7. Что такое оппозитивность грамматических значений?
8. Как выражаются грамматические значения?

9. Что такое обязательность грамматических значений?
10. Каков статус частеречных значений?
11. Каковы значения служебных слов (предлогов и союзов)?

ГЛАВА 2

ГРАММАТИЧЕСКАЯ ФОРМА

1. Грамматическая форма — выразитель грамматического значения

С понятием грамматического значения прямо соотнесено понятие грамматической формы. Грамматическая форма — это выразитель (показатель, «оболочка») грамматического значения. Этой точки зрения придерживается большинство исследователей. К их числу относятся Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, А. М. Пешковский, Е. Д. Поливанов, Ж. Вандриес, Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров, М. И. Стеблин-Каменский, П. С. Кузнецов, А. Н. Гвоздев, А. И. Смирницкий, А. В. Исаченко, М. В. Панов, М. Докулил, Ю. С. Степанов, Н. М. Шанский, А. В. Бондарко, К. Г. Крушельницкая, Д. Э. Розенталь и М. А. Теленкова, Ю. С. Маслов, Б. Н. Головин, Е. В. Клобуков, А. Е. Супрун, В. Г. Адмони, Б. Ю. Норман и многие другие.

Приведем несколько высказываний: «Грамматической формой называем морфологическое обнаружение грамматического понятия» (Шахматов, 1941, с. 434); «Грамматической формой чаще называют внешний способ выражения грамматического значения» (Кузнецов, 1954, с. 353); «Звуковое выражение формального значения в слове называется его формой» (Аванесов, Сидоров, 1945, с. 69); «Если форма слова — это средство выражения и организации его значения, то тогда морфологическая форма слова — это та часть формы слова, которая служит средством выражения и организации его грамматических (т. е. морфологических) значений» (Клобуков, 1979, с. 56); «Грамматическая форма — это материальный вид существования грамматического значения» (Рус. яз.: Энци., 1979, с. 59; см. также: Словарь рус. яз., 1961, с. 789).

Грамматическая форма — частный случай грамматического средства (ГС). Например, флексия — это грамматическое средство, а *-ый*, *-ого*, *-ому* и т. д. — конкретные грамматические формы. «Все многообразие грамматических форм языков, — пишет Б. Ю. Норман, — сводится к сравнительно немногочисленным способам выражения грамматического значения (или грамматическим способам). Основных грамматических способов девять: это — аффиксация, внутренняя флексия,

повторы, сложения, служебные слова, порядок слов, ударение, интонация, супплетивизм...» (Общее язык-ие, 1983, с. 248; выделено автором. — Ю.Ф.).

Как грамматика подразделяется на морфологию и синтаксис, так грамматическая форма должна подразделяться на морфологическую и синтаксическую формы. Морфологическая форма имеет место в рамках слова, а синтаксическая форма — в рамках предложения. Синтаксическая форма — это конкретный синтаксический способ выражения синтаксического значения.

У термина грамматическая форма, как отметил еще А. М. Пешковский, есть также второе, производное значение — «словоформа» (т. е. «данное слово в данной грамматической форме»; например, лексема *добро* представлена словоформами *добро, добра, добру, добро, добром, добре*). Эти значения и эти явления языка нужно четко и последовательно разграничивать, что имеет место далеко не всегда. Преподаватели и студенты нередко говорят: «Грамматическое значение единственного числа в слове *добро* выражено формой (или: грамматической формой) *добро*». На самом деле грамматическое значение единственного числа в этом случае выражено грамматической формой (окончанием) *-о*. В свое время это хорошо показал Л. В. Щерба, предложивший студентам проанализировать построенную им искусственную фразу «*Глокая куздра штеко будланула бокра и курдячит бокренка*» (см.: Успенский, 1957, с. 314—317). Слова этой фразы (точнее, макеты, «чучела» слов) состоят из вымышленных корней и реальных русских суффиксов и окончаний: *-ая -а -о -анула -а* и *-ит -енка*. Опираясь на грамматические значения этих служебных морфем, Л. В. Щерба истолковал свою фразу следующим образом: «Нечто женского рода (пола? — Ю. Ф.) в один прием совершило что-то над каким-то существом мужского рода (точнее, пола. — Ю. Ф.), а потом начало что-то такое вытворять длительное, постепенное с его детенышем» (Успенский, 1957, с. 317). В фразе Л. В. Щербы грамматические формы отделены от «лексических форм», а грамматические значения — от лексических значений. Значит, грамматические значения выражаются не словоформой в целом (*добро*), а грамматической морфемой (*-о*).

Один вузовский преподаватель сказал: «Языковое выражение грамматического значения называется грамматической формой. Говоря по-другому, форма слова — это, как мы знаем, разновидности одного и того же слова, это члены одной лексемы, ее отдельные единицы, которые обычно называют словоформами». Подмену одного значения термина *грамматическая форма* другим допускает Т. В. Шанская: «Грамматические значения в русском языке выражаются с помощью грамматических

форм слова — разновидностей одного и того же слова, различающихся своими грамматическими значениями (здесь под грамматической формой понимается словоформа. — Ю. Ф.). Грамматической формой называется внешнее выражение грамматического значения (здесь под грамматической формой понимается конкретный выразитель грамматического значения, грамматическое средство, служебная морфема. — Ю. Ф.). В узком смысле формой слова называются видоизменения одного и того же слова (здесь речь вновь идет о словоформе. — Ю. Ф.), которые выражают добавочное значение слова наряду с его основным лексическим значением» (Шанская, 1971, с. 205; выделено автором — Ю. Ф.).

Полемизируя с А. М. Пешковским, говорившим о многозначности флексии *-о* в словоформе *стекло*, Е. М. Галкина-Федорук утверждает, что эта многозначность свойственна не «формальной части», а слову (словоформе) в целом (Галкина-Федорук, 1957, с. 368). Однако согласиться с этим утверждением невозможно. Как писал Е. Д. Поливанов, «расчленению внеязыкового представления... соответствует и расчленение фонетического состава слова на части..., из которых каждая является носителем некоторой части значения всего слова» (Поливанов, 1923, с. 68). Носительницей (выразителем) лексического значения является основа, а грамматических — служебная морфема, в частности *-о* в словоформе *стекло*.

Как видим, многозначность термина грамматическая форма представляет значительные неудобства, и от нее было бы лучше отказаться. В значении «словоформа» этот термин целесообразно не применять. Во-первых, для выражения этого понятия существует однозначный термин *словоформа*. Во-вторых, составной термин *грамматическая форма* (кстати, структурно соотносительный с термином *грамматическое значение*) в соответствии с общеязыковыми значениями компонентов (форма — «способ выражения, выразитель», грамматическая — «относящаяся к грамматике, выражающая грамматическое значение») лучше всего приспособлен для выражения понятия «выразитель грамматического значения».

Словоформа же есть носитель (выразитель) не только грамматических, но и — прежде всего — лексического значения. Например, словоформа *стекло* имеет лексическое значение «прозрачный материал, получаемый путем плавления и химической обработки кварцевого песка с добавлением некоторых других веществ» и грамматические значения единственного числа и именительного падежа. Одна словоформа может включать в свой состав две и более грамматические формы. Например: *делал* ____, *сделал* __ и т. п.

Образование грамматических форм одного и того же слова (*дом — дома — дому* и т. д.) называют *словоизменением*. Вместо термина *словоизменение* нередко используют термин *формообразование*. Некоторые грамматисты используют последний термин в более узком значении — «образование форм слова, выражающих несинтаксические категории» (род и число существительных, род прилагательных). Однако понятие формообразования остается недостаточно определенным.

2. Можно ли определять грамматическую форму как единство грамматического значения и способа его выражения?

В лингвистической литературе и в практике преподавания встречается и третье определение грамматической формы — как единства грамматического значения и способа его выражения. Это определение мы найдем в работах С. И. Абакумова (1942, с. 65), И. П. Ивановой (1956, с. 105), А. М. Финкеля (1960, с. 196—197), А. С. Попова (1963, с. 297), О. С. Ахмановой¹² (1966, с. 116), А. А. Реформатского (1967, с. 249, 260), В. Н. Перетрухина (1968, с. 202), В. И. Кодухова¹³ (1980, с. 11) и нек. др. Однако проверка этого определения с философской, логической, физиологической и лингвистической точек зрения показывает его неадекватность.

Современная философия понимает под содержанием внутреннюю сторону предмета, а под формой — организацию содержания, способ его существования (см., напр.: Философ, энцикл., 1970, с. 383; Руднев, 1959, с. 9, 19). Форма и содержание находятся в отношениях единства и взаимоисключения. Ни один философ не определяет форму как единство этой формы и выражаемого ею содержания.

Содержание — это сущность, форма — явление. Можно ли определять явление как единство сущности и этого явления?

Анализируемое определение не выдерживает критики с логической точки зрения. Как известно, единство есть один из ти-

---

¹² В «Словаре лингвистических терминов» О. С. Ахмановой имеют место два взаимоисключающих определения грамматической формы: 1) грамматическая форма — «соотношение (? — Ю. Ф.) данного грамматического содержания и грамматического способа в их единстве (? — Ю. Ф.), т. е. связь (? — Ю. Ф.), единство данного грамматического содержания (значения) с данным грамматическим выражением» (Ахманова, 1966, с. 116); 2) грамматическая форма — «способ выражения грамматического значения, способ построения словоформы» (Ахманова, 1966, с. 500).

¹³ Любопытно, что в новой программе по введению в языкознание определение грамматической формы как единства грамматического значения и способа его выражения В. И. Кодухов снял. См.: Программы педагогических институтов: Введение в языкознание. — М., 1985. — Сб. 1. — С. 4.

пов отношений. Но всякое отношение всегда есть отношение вещей. Вещь, вступившая в отношения с другой вещью, не равна и не может быть равна этому отношению. Если мы будем утверждать, что *A* есть единство *B* и *A*, а *B* — соответственно — единство *A* и *B*, то это бы означало, что сами по себе *A* и *B* полностью лишены собственного качества и не существуют как таковые ни в объективной действительности, ни на уровне теоретического мышления.

Если мы согласимся с тем, что грамматическая форма — это единство грамматического значения и способа его выражения, то мы должны согласиться с тем, что лексическая форма (форма слова) есть единство содержания слова и способа его выражения (лексической формы), жена — это единство мужа и жены (а муж — это единство жены и мужа). Если же неверно второе, то неверно и первое.

Определить грамматическую форму как единство грамматического значения и способа его выражения (= грамматической формы) — значит охарактеризовать не грамматическую форму, а то отношение, в которое она вступает.

Прежде чем говорить о единстве двух вещей, нужно сначала определить сами эти вещи.

В критикуемом определении легко обнаружить логический круг. Если мы примем определение грамматической формы как единства грамматического значения и способа его выражения, а словосочетание *способ выражения* заменим его синонимом (дублетом) *грамматическая форма*, то наше определение примет вид упомянутого логического круга: «Грамматическая форма есть единство грамматического значения и грамматической формы», т. е. $x = y + x$. Грамматическую форму мы определяем через самое себя.

Определяя грамматическую форму как единство грамматического значения и способа его выражения, мы должны соответственно определить грамматическое значение как единство способа выражения и выражаемого им грамматического содержания (значения). Но в этом случае определения грамматической формы и грамматического значения совпадут, чего не должно быть и что свидетельствует о неадекватности анализируемого определения.

Никто не подвергает сомнению тезис о том, что «каждое грамматическое явление всегда имеет две стороны: внутреннюю, грамматическое значение, то, что́ выражено, и внешнюю, грамматический способ выражения, то, чём выражено» (Реформатский, 1967, с. 248; выделено автором. — Ю. Ф.). Но из этого следует, что форма и содержание каждого грамматического явления обладают относительной са-

мостью и должны получать самостоятельные определения.

Форма связана с содержанием, содержание связано с формой, но не является ее частью. В противном случае мы не имели бы права вообще говорить о реальности содержания.

О самостоятельности формы и содержания в языке свидетельствуют данные нейрофизиологии, прежде всего разные случаи афазии: утрата языковых форм при сохранении значений и утрата значений при сохранении языковых форм (см.: Иванов, 1962, с. 80; Верещагин, 1967, с. 39—75). По-видимому, «физиологические предпосылки актуализации или понятий или лексем функционируют самостоятельно» (Верещагин, 1967, с. 46).

Представление об относительной самостоятельности формы и содержания в языке нашло отражение в лингвистическом понятии асимметрического дуализма языкового знака (С. О. Карцевский). Отношения между означающим и означаемым слова асимметричны. Одно означающее может иметь несколько означаемых, одно означаемое может иметь несколько означающих. Формально-содержательная асимметрия языкового знака лежит в основе таких явлений семантики, как полисемия, омонимия и синонимия.

Связь между содержанием и формой языкового знака — связь произвольная, социальная, историческая. Это ассоциация, а не неразрывное единство. Языковое содержание всегда хронологически предшествует языковой форме, которую носителям языка приходится искать и проверять на пригодность, а иногда и заменять, как заменили слово *аэроплан* словом *самолет* (см.: Торопцев, 1984, с. 25; Солнцев, 1977, с. 321).

«Язык, — пишет В. М. Солнцев, — есть единство материальной и идеальной сторон. Это единство неразрывно и в высшей степени прочно. Оно не является отприродным, но складывается исторически. Связь между этими сторонами, т. е. между их элементами — знаками и значениями, есть связь условная, хотя и обязательная для всех людей, пользующихся данным языком.

Однако эти стороны существуют раздельно и поэтому изменяются и развиваются несинхронно. Материальная сторона имеет свои законы изменения. Смысловая — свои¹⁴. Поэтому тот или иной знак может полностью изменить свой материальный облик,

---

¹⁴ «...Содержание развивается более стремительно, разнонаправленно и глубоко по сравнению с языковой формой, ибо оно непосредственно проникает в человеческие мысли и чувства, которые по своей природе динамичны, непостоянны, изменчивы» (Плотников, 1989, с. 181). «...Инициатором всех языковых изменений выступает языковое содержание, непосредственно отражающее вместе с мышлением и сознанием внешние изменения, а языковая форма так или иначе преобразуется в целом под воздействием содержания, хотя изменения этих сторон языка далеко не всегда оказываются прямо связанными друг с другом» (Плотников, 1989, с. 187).

т. е. фактически стать новым знаком для одного и того же значения, а значение, закрепленное за определенным знаком, может изменить свое содержание и объем или просто устареть и замениться новым. Это касается и лексических и грамматических значений.

Асимметричность плана выражения и плана содержания объясняется разной природой и разными формами существования этих планов» (Солнцев, 1977, с. 321; выделено автором. — Ю. Ф.).

«Знаки и значения взаимно предполагают друг друга. Их единство образует знаковый комплекс, который и есть двусторонняя единица знаковой системы» (Солнцев, 1977, с. 320). Подчеркнем: единство содержания и формы — это не форма (означающее), а знаковый комплекс.

Языковое содержание имеет отражательный, а выражение — знаковый характер. Форма и содержание в языке разграничены гораздо более четко, чем во многих других объектах. Четко разграничивая форму и содержание языка вообще, мы должны четко разграничивать и их элементы. Элемент плана выражения нельзя определять как единство, объединение элемента плана выражения и элемента плана содержания.

Значение — это мысль о предмете (классе однородных предметов), ассоциированная со звуковым комплексом (точнее — образом звукового комплекса). Мысль есть «продукт процесса мышления, являющегося особой функцией или свойством человеческого мозга, есть факт сознания, есть идеальное. Ее нельзя «отделить» от мыслящего мозга, нельзя «вынуть» из головы, «прикрепить» к звуковому комплексу и «перенести» по воздуху или какой-либо другой среде к слушающему и поместить в его голову. В самом звуковом комплексе, о котором говорят, что он выражает и сообщает (передает) мысль, никакой мысли обнаружить невозможно. ...Идея или мысль не передается через пространство. В голове слушающего появляется не переданная ему мысль извне, а своя собственная, но аналогичная мысли говорящего» (Солнцев, 1974, с. 5; см. также: Чейф, 1975, с. 74—75).

«Несколько упрощая, — пишет И. Н. Горелов, развивая одну из мыслей В. М. Солнцева, — можно сказать, что после обнаружения «подтекста» (не в тексте), «затекста» (вне текста), «предтекста» (вне текста) и «контекста» (частично вне текста) собственно текст придется рассматривать лишь как некую последовательность графических или звуковых сигналов, отсылающих реципиентов в область внетекстового» (Горелов, 1984, с. 25). Языковой знак как колебания воздушной среды не несет в себе языковое значение, т. е. представляет собой чистую форму, а не единство значения и способа его выражения. Иначе говоря, единство формы и содержания лингвистической единицы (слова и морфемы) имеет место на уровне языка (в сознании человека), но не имеет места на уровне ре-

чи (внешней речи). На уровне внешней речи форма лингвистической единицы отрывается от своего содержания, что является еще одним доказательством самостоятельности формы и содержания в языке.

Для подавляющего большинства грамматических форм языков фузионного типа свойственно явление синтетосемии (одновременной многозначности). Одна грамматическая форма выступает как выразитель нескольких грамматических значений. С позиций сторонников критикуемой точки зрения нам пришлось бы утверждать, что, например, в слове *женищина* имеются три грамматические формы — рода, числа и падежа, тогда как перед нами — одна грамматическая форма, несущая тройную функциональную нагрузку.

Отдельные языковые формы (например, формант рода у неодушевленных существительных русского языка) могут семантически опустошаться, но не перестают быть самими собой. Отдельные грамматические значения могут не находить внешнего звукового выражения, т. е. выражаться нулем звука (в этих случаях говорят о нулевой морфеме). То и другое свидетельствует об относительной самостоятельности грамматической формы и грамматического значения.

Поскольку морфема (как и слово) имеет форму и содержание, ее справедливо считают двусторонней единицей языка (см.: Солнцев, 1977, с. 116). Определение грамматической формы как единства грамматического значения и способа его выражения не согласуется с тезисом о двусторонности морфемы.

Определение грамматической формы как единства грамматического значения и способа его выражения в принципе дублирует общепринятое определение грамматической категории (см., напр.: Рус. яз.: Энци., 1979, с. 59).

Если бы мы приняли анализируемое здесь определение грамматической формы, то нам пришлось бы интерпретировать грамматическую категорию как совокупность грамматических форм.

Таким образом, нам не удалось найти ни одного аргумента в пользу понимания грамматической формы как единства грамматического значения и способа его выражения. Грамматическая форма — это выразитель грамматического значения, это частный случай грамматического средства.

Вопросы для самопроверки

1. Что такое грамматическая форма?
2. Сколько значений имеет термин грамматическая форма?
3. Что такое словоформа? Целесообразно ли синонимизировать термины словоформа и грамматическая форма?
4. Можно ли определять грамматическую форму как единство грамматического значения и способа его выражения?

ГЛАВА 3

ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ

1. Общая характеристика грамматической категории

Что такое грамматическая категория?

Начнем с конкретного примера. Обратимся к грамматической категории числа. Грамматическая категория числа представлена двумя однородными соотносительными (противопоставленными) грамматическими значениями единственного и множественного числа, выраженными теми или иными грамматическими формами. Например: *роза — розы, дуб — дубы, иду — идем, ходит — ходят*. Опираясь на этот пример, определим грамматическую категорию как единство однородных и противопоставленных грамматических значений и соответствующих им грамматических форм (см.: Васильев, 1964, с. 52; Маслов, 1975, с. 159). Все грамматические (морфологические) категории русского языка (рода, числа, падежа, вида, залога, наклонения, времени, лица, а также степени сравнения) соответствуют этому определению грамматической категории.

Представление о природе грамматической категории может дать следующая схема:

ГЗ	ГФ
ГЗ	ГФ

Грамматические значения и грамматические формы — это две стороны одного листа, а грамматическая категория—это книга, сшитая из таких листов.

В лингвистической литературе представлены две основные точки зрения на грамматическую категорию. Согласно первой точке зрения, грамматическая категория совпадает с грамматическим значением и является величиной односторонней. Например, А. А. Шахматов писал: «Реальное значение связывает слово непосредственно с внешним явлением, грамматическое значение связывает его прежде всего с другими словами, со значением других слов» (Шахматов, 1941, с. 432); «...Грамматическую категорию мы определим, как представление об отношении (к другим представлениям), сопутствующее основному значению, вызыва-

емому словом...» (Шахматов, 1941, с. 420; выделено автором. — Ю. Ф.). «Это предельное сближение (или даже отождествление) грамматического значения с грамматической категорией, — замечает В. М. Никитевич, — выраженное с большей или меньшей четкостью, можно найти в большинстве наиболее известных учебных пособий и научных работ» (Никитевич, 1963, с. 6; выделено автором. — Ю. Ф.). Этой точки зрения придерживаются П. С. Кузнецов (Современный русский язык: Морфология. — МГУ, 1952. — С. 28), авторы «Граматики русского языка» (М., 1960. — Т. 1. — С. 8), Р. А. Будагов (1965, с. 245), А. И. Моисеев (1956, с. 127), Д. Э. Розенталь и М. А. Теленкова (1972, с. 74) и нек. др.

Согласно второй точке зрения, грамматическая категория представляет собой двустороннюю величину, имеющую форму и содержание. Как пишет А. В. Бондарко, «более убедительной представляется двусторонняя — содержательно-формальная (функционально-структурная) концепция грамматической категории. Эта концепция соотнесена с билатеральной трактовкой языкового знака и с общим пониманием языка как двустороннего явления, заключающего в себе план языкового содержания и план выражения» (Бондарко, 1976, с. 29). В зависимости от того, какая сторона этого двуединства выдвигается на первый план, можно говорить о двух вариантах этой точки зрения. Такие авторы, как А. М. Пешковский, А. А. Реформатский, И. П. Иванова, И. П. Мучник, А. В. Бондарко и нек. др., на первый план в характеристике грамматической категории выдвигают понятие грамматической формы. Например, А. М. Пешковский пишет: «Формальная категория слов есть ряд форм, объединенный со стороны значения и имеющий, хотя бы в части составляющих его форм, собственную звуковую характеристику» (Пешковский, 1956, с. 27). Такие авторы, как Л. В. Щерба, А. Н. Гвоздев, А. М. Финкель, М. М. Гухман, Ю. С. Маслов, Ю. С. Степанов, Б. Н. Головин, А. Н. Тихонов, Б. Ю. Норман, Е. В. Клобуков, Г. М. Грехнева и многие другие, на первый план в характеристике грамматической категории выдвигают понятие грамматического значения. Например, Б. Ю. Норман пишет: «Система однородных и противопоставленных друг другу грамматических значений вкупе с системой их средств выражения (грамматических форм) называется грамматической категорией» (Общ. яз., 1983, с. 242). Эта характеристика грамматической категории представляется нам наиболее точной.

Впрочем, следует добавить, что для многих лингвистов различия между вариантами второй точки зрения, по-видимому, не представляются существенными. Так, А. В. Бондарко, выдвигающий на первый план в определении грамматической категории понятие грамматической формы (см.: Бондарко, 1976, с. 10—11), в то же время замечает: «...Ведущими, определяющими в этом единстве

двух планов являются категориальные содержательные признаки, лежащие в основе данной категории...» (Бондарко, 1976, с. 32; см. также с. 29).

Итак, грамматическую категорию следует определять как единство однородных и противопоставленных грамматических значений и соответствующих им грамматических форм.

Грамматическими категориями иногда называют крупные разряды (классы) слов — части речи. Например, А. В. Исаченко называет части речи «грамматическими категориями высшего порядка», а род, число, вид и т. п. — «морфологическими категориями низшего порядка» (Исаченко, 1965, с. 20); Б. Н. Головин — «основными» и «сопутствующими» грамматическими категориями (Головин, 1979, с. 194). Однако части речи качественно отличаются от того, что мы уже называли грамматическими категориями, и применение последнего термина к частям речи может приводить к недоразумениям, особенно в практике преподавания.

Термин «грамматическая категория» не следует употреблять и по отношению к лексико-грамматическим разрядам слов (вещественным, собирательным, абстрактным и конкретным именам существительным, переходным и непереходным глаголам и т. п.). «Лексико-грамматические разряды, — пишет А. В. Бондарко, — это грамматически значимые (т. е. существенные для грамматики) группировки слов в рамках данной части речи (т. е. подклассы той или иной части речи)» (Бондарко, 1976, с. 156), не представляющие собой четкие морфологические оппозиции и даже — иногда — грамматически не выраженные (см. еще: Бондарко, 1976, с. 187 и 189). Части речи, лексико-грамматические разряды и грамматические категории следует четко разграничивать и на понятийном, и на терминологическом уровнях.

Не являются грамматическими категориями склонения имен и спряжения глаголов¹⁵: ведь склонения и спряжения — это всего лишь перечни (списки) грамматических форм слов, «формальные словоизменительные разряды» (Маслов, 1975, с. 161; см. также: Бондарко, 1976, с. 33). Как известно, главное в грамматической категории — это ее грамматическое содержание. Между тем склонения и спряжения никакого грамматического содержания не имеют. Когда мы говорим, что данное существительное относится к 1 склонению, то это означает лишь то, что оно имеет следующую систему флексий: *-а, -ы, -е, -у, -ой, -е, -ы, -ноть, -ам, -ы, -ами, -ах*.

---

¹⁵ Ср.: «К первому типу грамматических категорий — категориям слов принадлежат не только сами части речи (? — Ю. Ф.), но и такие более узкие по составу лексем категории, выделяемые внутри той или иной части речи, как родовые классы (? — Ю. Ф.), типы склонения и спряжения (? — Ю. Ф.), качественность—относительность в именах прилагательных (? — Ю. Ф.) и т. д.» (Головин, 1979, с. 182).

В современной научной и учебной литературе продолжают встречаться и такие определения грамматической категории, которые не выдерживают даже самой либеральной критики. Например, в учебном пособии по введению в языкознание А. А. Реформатского говорится: «... Грамматическая категория — это совокупность элементов (? — Ю. Ф.) языка (слов, значимых частей слов и сочетаний слов), объединенная грамматическим значением при обязательном наличии выражающего его грамматического способа...» (Реформатский, 1967, с. 255; выделено автором. — Ю. Ф.). Грамматическая категория — это совокупность слов, совокупность морфем и совокупность словосочетаний или совокупность слов, морфем и словосочетаний? Если последнее, то какое грамматическое значение и какой грамматический способ могут их объединить? Какую совокупность слов, какую совокупность морфем и какую совокупность словосочетаний можно назвать грамматической категорией? Таких совокупностей нет. В то же время нет ни одной уже выделенной и описанной грамматической категории, которая подходила бы под определение А. А. Реформатского. Ни одна традиционная грамматическая категория (рода, числа, падежа, лица и т. д.) не может быть охарактеризована как совокупность слов, или совокупность морфем, или совокупность словосочетаний. Напротив, любая выделенная в грамматической традиции категория может быть определена как единство однородных и противопоставленных грамматических значений и соответствующих им грамматических форм. Наконец, словосочетание не является элементом языка. Близкое к этому определение мы найдем у Л. М. Васильева: «Грамматические категории — это исторически сложившиеся классы, парадигмы слов или словесных форм (? — Ю. Ф.), объединенных каким-либо общим семантическим или функциональным стержнем» (Васильев, 1986, с. 8).

И. Г. Милославский определяет грамматическую категорию как «систему словоформ (? — Ю. Ф.), выражающих (? — Ю. Ф.) конкретное воплощение (? — Ю. Ф.) одного и того же (? — Ю. Ф.) общего грамматического значения» (Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. — 2-е изд., испр. и доп. — М., 1989. — С. 388). В этой характеристике грамматической категории легко обнаружить целый ряд неточностей. Во-первых, грамматическая категория представляет собой не систему словоформ, а систему грамматических форм, грамматических показателей (лучше: систему грамматических значений и соответствующих им грамматических форм). Систему же словоформ (и лекс) одного слова принято называть лексемой. Во-вторых, грамматическую категорию формирует не «одно и то же», а однородные и противопоставленные грамматические значения (например, единственного и мно-

жественного числа, совершенного и несовершенного вида). В-третьих, словосочетание «выражающих воплощение» является плеонастическим и должно быть устранено.

2. Типология грамматических категорий

Какова типология грамматических категорий русского языка?

Грамматические категории русского языка прежде всего делятся на морфологические и синтаксические. Морфологические категории — это категории, свойственные отдельному слову (лексеме), синтаксические — это категории, свойственные предложению. По мнению Б. Н. Головина, морфологические категории — это категории слов и словесных форм, а синтаксические категории — это категории словесных позиций и словесных конструкций (см.: Головин, 1979, с. 200).

Морфологические категории используют такие грамматические средства, как служебные морфемы, словесное ударение, чередование и служебные слова, образующие аналитические формы; синтаксические категории используют такие грамматические средства, как служебные слова, порядок слов, интонация, логическое ударение и служебные слова (предлоги и союзы). К морфологическим категориям русского языка относятся категории рода, числа, падежа, вида, залога¹⁶, наклонения, времени, лица и степеней сравнения. «По-видимому, к этому перечню могла бы быть присоединена оппозиция полных и кратких форм прилагательных. Поскольку, однако, семантическое различие между этими формами в предикативной функции недостаточно ясно, мы пока оставляем полные и краткие формы прилагательных в стороне...» (Бондарко, 1976, с. 13).

Самое распространенное деление морфологических категорий — это их деление на словоизменяемые и классифицирующие (классификационные)¹⁷.

Если соотносительные грамматические значения той или иной грамматической категории имеют место в пределах одной лексемы, то такую грамматическую категорию называют словоизменяемой; если же соотносительные грамматические значения той или иной грамматической категории имеют место в пределах разных

---

¹⁶ Строго говоря, категория залога, выражающаяся и морфологически (с помощью суффиксов *-ся*, *-нн-*, *-енн-* и *-т-*), и синтаксически (с помощью действительного и страдательного оборотов речи), является морфолого-синтаксической.

¹⁷ А. И. Смирницкий называл эти категории грамматическими (или собственно грамматическими) и лексико-грамматическими. «Такое употребление терминов, однако, неудобно, потому что не остается обобщающего термина для категорий общего типа» (Зализняк, 1967, с. 31). А. В. Бондарко называет эти категории «коррелятивными» и «некоррелятивными» (Бондарко, 1976, с. 76).

лексем, то такую грамматическую категорию называют классифицирующей (классификационной). Например, оппозиция по числу имеет место в пределах одной лексемы (*дом — дома*), и категория числа является словоизменительной грамматической категорией; оппозиция по роду имеет место в пределах разных лексем существительных (*мужчина — женщина — дитя, бык — корова, лев — львица*), и категория рода имен существительных является классификационной.

К словоизменительным категориям русского языка относятся категории числа, падежа, вида, залога, наклонения, времени, лица и степеней сравнения, а также категория рода у имен прилагательных, причастий, порядковых числительных и местоимений-прилагательных, к классификационным грамматическим категориям русского языка относится категория рода имен существительных.

Словоизменительные категории так относятся к соответствующим грамматическим значениям, как язык к речи, как общее к частному, как инвариант к вариантам.

П. А. Соболева делит морфологические категории «на два типа: категории, обслуживающие слово (род и падеж существительного, время и наклонение глагола), и грамматические категории, обслуживающие ЛСВ (число существительного, вид и залог глагола)» (Соболева, 1980, с. 286).

А. В. Бондарко предлагает и ряд других классификаций морфологических категорий, а именно:

1) деление морфологических категорий «по признаку семантической/структурной доминанты их содержания»: морфологические категории с семантической доминантой (наклонение, время, лицо, вид и залог глагола, падеж и число существительных, степени сравнения прилагательных и наречий) и морфологические категории со структурной доминантой (род существительных, род, число и падеж прилагательных, род и число глаголов);

2) деление морфологических категорий «по признаку преимущественно отражательного/преимущественно интерпретационного характера их семантического содержания»: морфологические категории преимущественно отражательного типа (наклонение, время, лицо глагола, падеж и число существительных, степени сравнения прилагательных и наречий, а также род существительных, род, число и падеж прилагательных, род и число глаголов) и морфологические категории преимущественно интерпретационного типа (залог и вид глагола);

3) деление морфологических категорий «по признаку участия в передаче отношения содержания высказывания к действительности с точки зрения говорящего»: морфологические категории актуализационные (наклонение, время, лицо), морфологические категории с переменной актуализационной значимостью (вид), морфо-

логические категории неактуализационные (залог; степени сравнения; число, падеж и род существительных; число и род глагола; род, число и падеж прилагательных);

4) деление морфологических категорий «по признаку структурно-синтаксической значимости»: морфологические категории с постоянной синтаксической значимостью (залог глагола), морфологические категории с переменной синтаксической значимостью (падеж существительных, вид, время, наклонение, лицо, число и род глагола, степени сравнения прилагательных и наречий, падеж и число прилагательных), морфологические категории, не обладающие синтаксической значимостью (род и число существительных, род прилагательных);

5) деление морфологических категорий «по признаку синтагматической значимости»: морфологические категории синтагматически слабые (наклонение, время, вид глагола) и морфологические категории синтагматически сильные (все остальные морфологические категории);

6) деление морфологических категорий «по признаку альтернативно-го/деривационного характера формообразования»: если при морфологической альтернации имеет место чередование словоформ, то при морфологической деривации — «производность одной словоформы от другой» (Бондарко, 1976, с. 100).

В учебной литературе эти классификации не представлены.

Синтаксические категории русского языка изучены совершенно недостаточно (см.: Головин, 1979, с. 193; Грехнева, 1986, с. 84). Мы не располагаем ни сколько-нибудь удовлетворительной характеристикой синтаксических категорий, ни их перечнем, ни их типологией.

Исходя из понимания грамматической категории как единства однородных и противопоставленных грамматических значений (и соответствующих им грамматических форм), можно предложить следующий перечень синтаксических категорий русского языка.

Синтаксические значения (СЗ) предикативности, полупредикативности и отсутствия предикативности образуют синтаксическую категорию (СК) предикативности; СЗ повествовательности, побудительности и вопросительности образуют СК целеустановки; СЗ восклицательности и невосклицательности образуют СК эмоциональной насыщенности; СЗ подлежащего, сказуемого, определения, дополнения и обстоятельства образуют СК членов предложения; СЗ однородности и неоднородности образуют СК однородности; СЗ сравнительности и ее отсутствия образуют СК сравнительности; СЗ точности и приблизительноности образуют СК точности / приблизительноности; СЗ вводности и ее отсутствия образуют СК вводности; СЗ вставочности и ее отсутствия образуют СК вставочности; СЗ темы и ремы образуют СК тема-рематического членения высказы-

вания; СЗ придаточных изъяснительных, определительных, компаративных, меры и степени, сравнительных, сопоставительных, присоединительных и обстоятельственных (места, времени, причины, цели, следствия, условия и уступки) образуют СК сложноподчиненного предложения; СЗ соединительности перечислительности, сопоставительности, противительности, разделительности, градационности и пояснительности образуют СК сложносочиненного предложения; СЗ объяснения, пояснения, причинно-следственные и противительно-уступительные образуют СК бессоюзного сложного предложения; наконец, СЗ сочинения и подчинения образуют СК сочинения / подчинения, свойственную как простому, так и сложному предложению.

А теперь дадим краткую характеристику морфологических категорий русского языка.

2.1. Категория рода имен существительных русского языка относится к числу классификационных грамматических категорий, т. е. не имеет вариантов в рамках одной лексемы. Каждое существительное русского языка закреплено за тем или иным родом: *стол, парта, окно* и т. д. Как говорят в школе, существительное не изменяется по родам. Это общее правило. Правда, из этого правила есть исключение. Речь идет о т. н. существительных общего рода (*плакса, неряха, задира*), которые можно называть и часто называют родоизменяемыми. Если существительное общего рода называет лицо мужского пола, то оно выступает как существительное мужского рода (*Какой неряха!*), если существительное общего рода называет лицо женского пола, то оно выступает как существительное женского рода (*Какая неряха!*).

Категория рода по-разному проявляет себя в области одушевленных и в области неодушевленных имен существительных. Категория рода одушевленных имен существительных является мотивированной, содержательной, значимой, категория рода неодушевленных имен существительных — немотивированной, бессодержательной, асемантической, пустой. Категория рода одушевленных имен существительных отражает (хотя и не зеркально) половую дифференциацию лиц и — частично — животных: *отец — мать, волк — волчица*. Категория рода неодушевленных имен существительных денотативно (предметно) не мотивирована, половые различия предметов, естественно, не отражает: *пруд — река — озеро, шкаф — кровать — трюмо*. Категория рода неодушевленных имен существительных представляет собой чисто формальный класс. «...В области морфологических категорий — пишет А. В. Бондарко, — род занимает периферийное положение, находится в той периферийной зоне, где можно видеть общий сегмент двух перекрещивающихся кругов — круга морфологических категорий и круга оппозиций формальных классов» (Бондарко, 1976, с. 40).

Род склоняемых одушевленных существительных распознается, как правило, по значению, т. е. по наличию семы, указывающей на мужской или женский пол обозначаемого лица: сосед — соседка. Род склоняемых неодушевленных существительных распознается только по форме, т. е. по флексии им. пад. (*город* — м. р., *страна* — ж. р., *весло* — ср. р.) или по системе флексий (*день* — *дня* — *днем* и т. д. — м. р., *тень* — *тени* — *тенью* и т. д. — ж. р.). Показателем рода может быть также суффикс (например, суффикс *-тель* — признак м. р., а суффикс *-ница* — ж. р.) и форма согласованного слова (*мой дом* — *моя изба* — *мое окно*; особенно: *мое пальто* — *наш маэстро* — *милая пани*).

При персонификации род неодушевленных имен существительных становится мотивированным, содержательным. В этом случае неодушевленные существительные мужского рода обозначают лиц мужского пола, а неодушевленные существительные женского рода — лиц женского пола. Напр.: *Опять встретил этого пня; Ты видел этих кукол?*

Многие одушевленные существительные образуют родовые пары типа *отец* — *мать*, *брат* — *сестра*, *бык* — *корова*, *школьник* — *школьница*, *супруг* — *супруга*. Члены родовых пар различаются соотносительными семой «мужской пол» — «женский пол» и принадлежат, соответственно, мужскому и женскому роду. Однако «чаще одно из слов родовой пары обозначает не только существо определенного пола, но является также и общим названием всех существ этого типа независимо от различий по полу. Например, в паре *студент* — *студентка* слово студент обозначает не только лицо мужского пола (*Вошли студент и студентка*), но и любого представителя данной социальной группы (*Долг каждого студента — хорошо учиться*)», — пишет Е. В. Клобуков в книге «Современный русский литературный язык» (2-е изд., испр. — М., 1988. — С. 186).

Несклоняемые существительные распределяются по родам частично по семантическому, частично — по некоторым формальным признакам (хотя и не по флексии, которой у них нет).

Существительные — наименования лиц распределяются по родам в зависимости от пола обозначаемого лица: *маэстро*, *буржуа*, *мсье* — м. р., *мадам*, *мисс*, *пани* — ж. р.

Наименования животных, рыб, птиц и т. п. относятся к мужскому роду: *старый шимпанзе*, *очаровательный пони*, *яркий колибри*. Если такие существительные обозначают самок соответствующих животных, то они употребляются как существительные женского рода: *Шимпанзе родила второго детеныша*. Род некоторых наименований животных определяется по роду общего слова. Например: *цеце* — ж. р. (как слово *муха*), *иваси* — ж. р. (как слово *рыба*) и т. д.

Наименования неодушевленных предметов относятся к среднему роду: *депо*, *рагу*, *такси*. Из этого правила тоже есть исключения: *кофе* — м. р., так как в XIX в. это слово имело вид *кофей*; *хинди* — м. р., как общее слово *язык*; *саями* — ж. р., как общее слово *колбаса*.

Географические и условные наименования имеют род общего по значению слова. Напр.: *Сочи*, *Сухуми* — м. р., как общее слово *город*; *Онтарио* — ср. р., как общее слово *озеро*; «*Юманите*» — ж. р., как общее слово *газета*.

Род склоняемых звуковых аббревиатур определяется по системе флексий. Например, слово *ЗАГС* — м. р., так как имеет флексии -Ø, -а, -у и т. д. Род несклоняемых аббревиатур определяется по роду опорного слова производящего словосочетания. Например, *ДПР* — ж. р., так как женского рода — опорное слово производящего словосочетания *Демократическая партия России*.

Несклоняемые субстантивированные слова относятся к среднему роду: *Далече грянуло ура...* (П.); *Твое потом меня раздражает*.

Наконец, в русском языке есть существительные, не имеющие категории рода¹⁸. Это существительные, употребляющиеся только в форме множ. числа (*pluralia tantum*): *белила*, *духи*, *щи*, *ножницы* и под. Отсутствие рода у *pluralia tantum* объясняется тем, что родовые различия в системе падежных флексий проявляются только в единственном числе, во множественном же числе родовые различия почти полностью отсутствуют. Ср.: *лампам*, *коврам*, *окнам*; *лампами*, *коврами*, *окнами*; *лампах*, *коврах*, *окнах*. Следы родовых различий сохраняются лишь в им., род. и вин. падежах: *белила*, *ножницы*; *белил* __, *ножниц* __, *духов*; *белила*, *ножницы*.

2.2. Категория числа имен существительных — это словоизменительная категория, указывающая на единичность или множественность обозначаемых предметов: *автобус* — *автобусы*, *город* — *города*, *страна* — *страны*.

В современном русском языке категория числа бинарна, т. е. представляет собой оппозицию двух грамматических значений — значений единственного и множественного числа¹⁹. Форма единственного числа имеет значение «один» (*дом*), форма множественного числа — значение «не один, два и более» (*дома́*).

---

¹⁸ И. Г. Милославский предлагает отнести их к так называемому «парному роду», поскольку подавляющее большинство этих существительных обозначают предметы, «состоящие из двух частей (*брюки*, *ворота*, *сани*, *ножницы* и т. д.)» (Милославский, 1981, с. 47; выделено автором. — Ю. Ф.).

¹⁹ " В древнерусском языке, кроме единственного и множественного, было еще и двойственное число, следами которого являются, в частности, такие формы, как *глаза*, *плечи* и *уши*.

Основное грамматическое средство, используемое категорией числа, — это окончания имен существительных. Кроме того, спорадически используются: чередование фонем в основе (*сосед* — *соседи*, *черт* — *черти*), усечение, наращение или чередование суффиксов в основе (*горожанин* — *горожане*, *брат* — *братья*, *мышонок* — *мышата*), мена ударения (*ногá* — *но́ги*), супплетивизм (*человек* — *люди*). Если в тексте с именем существительным согласуется прилагательное, причастие, личная форма глагола, то значение числа выражается и с помощью их окончаний, т. е. синтаксически, синтагматически (*левый ботинок*). Для несклоняемых существительных этот способ является единственным: *старое пальто* — *старые пальто*.

Имена существительные современного русского языка делятся на парные и непарные т. е. имеющие или не имеющие обеих форм числа: а) *книга* — *книги*, б) *молоко* — — —; — — — *сливки*. Непарные существительные, в свою очередь, делятся на два разряда — *singularia tantum* (имеющие только форму единственного числа) и *pluralia tantum* (имеющие только форму множественного числа). Непарность имен существительных объясняется их лексической семантикой, а соответственно — характером обозначаемых предметов. Например, слово *гнев* имеет лексическое значение «чувство сильного негодования, возмущения; состояние раздражения, озлобления». Чувство (состояние) не делится на экземпляры, не поддается счету, поэтому существительное *гнев* не образует форму множественного числа.

Категория числа по-разному проявляет себя по отношению к разным лексико-грамматическим разрядам имен существительных (нарицательным и собственным, конкретным и абстрактным, вещественным, собирательным и единичным). Например, к *singularia tantum* относится большинство абстрактных, вещественных и собирательных, а также некоторые имена собственные.

Поскольку этот материал подробно освещен во многих вузовских учебниках и учебных пособиях, мы на нем не останавливаемся. Коснемся лишь случаев типа *первые радости*, т. е. случаев появления формы множественного числа у абстрактных имен существительных. Чем объяснить, что абстрактное существительное *радость* получило форму множественного числа? Это объясняется сдвигом в семантике слова *радость*, появлением у него нового, конкретного лексического значения — «радостные события». Изменилась лексическая семантика — изменилось и грамматическое поведение слова. Это общий закон языка.

В некоторых случаях (особенно в экспрессивной речи) форма единственного числа используется вместо формы множественного, и наоборот. Например, в фразе *Откройте задачник и найдите задачу № 17* форма единственного числа *задачник* обозначает мно-

жество предметов, выступая в т. н. дистрибутивном (распределительном) значении; в фразе *Пенсионер нынче бойкий пошел* форма единственного числа имеет значение собирательной (обобщенной) множественности; в фразе *Чему тебя только в институтах учат?* форма множественного числа обозначает единичный предмет и имеет значение множественного «гиперболического» (Е. В. Клобуков).

2.3. Категория падежа имени существительного — словоизменительная категория, указывающая на отношение обозначаемого существительным предмета к другим предметам, действиям или признакам²⁰: *дом отца, вижу дом, склонный к грусти*. Категория падежа имеет сложную структуру: она включает в свой состав 6 падежей (рядов падежных форм), каждый из которых имеет несколько значений. Таким образом, грамматическая семантика категории падежа представляет собой очень пеструю картину, не поддающуюся компактному описанию. Современные грамматисты выделяют общие и частные значения падежей. К общим значениям падежей относятся: субъектное (указание на производителя действия или носителя признака), объектное (указание на объект действия), определительное (указание на признак предмета, в том числе и предикативный) и обстоятельственное (указание на время, место, причину, образ действия, меру и степень и т. п.). У каждого падежа есть основные, типичные и второстепенные, периферийные значения. Падежное значение словоформы может зависеть от ее лексического значения и от лексического значения подчиняющего слова. Например: 1) *Смотрел фильм с другом — Смотрел фильм с интересом*; 2) *Заинтересовался лесом — Шел лесом*.

Падежные значения имен существительных выражаются с помощью окончаний (*город — города — городу* и т. д.)²¹. Совокупность падежных окончаний называется склонением. В современном русском языке три типа склонений — 1-е, 2-е и 3-е. К 1-ому склонению относят имена существительные женского рода с окончанием *-а/-я* в форме именительного падежа единственного числа типа *сестра, земля, семья, демократия*, отдельные имена существительные мужского рода типа *дядя, юноша, воевода* и слова обще-

---

²⁰ Неправильным является следующее определение: «Категория падежа — это грамматическая категория, обозначающая разные отношения имени существительного к другим словам в словосочетании и предложении и выражающая эти отношения системой противопоставленных друг другу рядов форм» (Николаева, 1989, с. 65; выделено автором. — Ю.Ф.). Категория падежа обозначает не «отношения имени существительного к другим словам», а отношение называемого существительным предмета к другим предметам, действиям или признакам.

²¹ Дополнительным, сопровождающим грамматическим средством выражения падежей могут быть чередования (*вода — в вод'е, сон — сна*) и ударение (*но́ги — но́ги*).

го рода типа *растрепан*. Ко 2-ому склонению относят имена существительные мужского рода с нулевым окончанием в форме именительного падежа единственного числа типа *вол, олень, пролетарий*, а также существительные среднего и мужского рода с окончанием *-о/-е* типа *окно, поле, платье, сознание, умишко*. К 3-ему склонению относят имена существительные женского рода с нулевым окончанием в форме именительного падежа единственного числа типа *тень*. Эти склонения различаются главным образом в формах единственного числа. Формы же множественного числа у существительных разных склонений в большинстве случаев (прежде, всего — в дательном, творительном и предложном падежах) совпадают.

Многие падежные значения конкретизируются при помощи предлогов.

Основной способ определения падежей — постановка местоименных вопросов. Здесь очень важно подчеркнуть, что вопросы должны быть двойными, а именно: им. п. — *кто/что?*, р. п. *кого/чего?*, д. п. — *кому/чему?*, в. п. — *кого/что?*, тв. п. — *кем/чем?*, пр. п. — *о ком/о чем?* Двойной вопрос снимает всякую неясность. Многие студенты, преподаватели и авторы забывают об этом. Например: «Однако не всегда правильно можно определить падеж по вопросам, так как вопросы одинаковы, например, для И. и В. неодушевленных существительных (что?) и Р. и В. для одушевленных (кого?). Кроме того, иногда падежный вопрос нельзя задать, не нарушив законов элементарной логики» (Николаева, 1989, с. 71). Ни одна пара русских падежей не имеет совпадающих двойных вопросов. По поводу же последней фразы К. А. Николаевой заметим, что падежный вопрос — это не элемент естественной речи, а специальный лингвистический прием, который не должен соответствовать «законам элементарной логики».

2.4. Категория вида — это словоизменительная грамматическая категория глагола, указывающая на ограниченность — неограниченность действия. Категория вида имеет бинарный характер: она представлена значениями и формами совершенного и несовершенного вида. Формы несовершенного вида называют действия длящиеся, развивающиеся, ничем не ограниченные; формы совершенного вида называют действия, ограниченные в своем развитии внутренним пределом. Например: *Мальчик долго решал задачу — Мальчик наконец решил задачу*.

Иногда говорят, что совершенный вид имеет значение законченности действия. В этом определении есть две неточности. Во-первых, значение законченности действия можно было бы приписать глаголам типа *решил*, но не глаголам типа *запел*, которые обозначают законченность начальной фазы действия. Во-вторых (что еще важнее), значение законченности действия — это не значение со-

вершенного вида, а значение прошедшего времени. Ср.: *решил* — *решу*. Форма *решу* имеет значение совершенного вида и называет действие с указанием на его внутренний предел, но, понятно, не имеет значения законченности действия, поскольку это действие вообще еще не имело места.

Некоторые исследователи (Эм. Черный, Л. П. Размусен, А. Достал, А. В. Исаченко, Ю. С. Маслов, А. В. Бондарко и др.) приписывают совершенному виду значение целостности действия. Это должно означать, что действие, обозначенное формой совершенного вида, осознается в единстве его начала, середины и конца (см.: Размусен, 1891, июнь, с. 379). Однако ни один глагол совершенного вида не имеет такого значения. Например, глаголы типа *сделал* обозначают середину действия и его конец, но не указывают на начало; глаголы типа *запел* обозначают начало действия и его середину, но не указывают на его конец. Значение целостности можно было бы приписать глаголам типа *моргнуть*, но их точнее называть традиционным термином *точечные глаголы*.

Категория вида в русском языке не имеет четкого, последовательного формального выражения. Она использует несколько грамматических средств: суффиксацию, префиксацию, супплетивизм, чередование и ударение. Основными способами видообразования являются суффиксация и префиксация. Например: *завинтить* — *завинчивать*, *прикрыть* — *прикрывать*, *продлить* — *продлевать*, *разрешить* — *разрешать*; *глохнуть* — *оглохнуть*, *писать* — *написать*, *прятать* — *спрятать*. Суффиксация может сопровождаться чередованием фонем и перемещением ударения: *переслать* — *пересылать*, *растереть* — *растирать*, *избегать* — *избежать*; *отрезáть* — *отрѐзать*, *засыпáть* — *засы́пать*. Видовые значения некоторых глаголов вообще не имеют формального выражения и определяются получателем речи только в контексте. Например: *казнить*, *ранить*, *экспроприировать*. Это т. н. двувидовые глаголы, т. е. глаголы, в одной и той же форме совмещающие значения обоих видов. Многие двувидовые глаголы в связи с общим стремлением языка к разграничению и четкому выражению видовых значений начинают образовывать или параллельные приставочные формы для выражения совершенного вида, или параллельные суффиксальные формы для выражения несовершенного вида, т. е. переходят в разряд «обычных», парных глаголов. Например, вместо двувидового глагола *ночевать* появляется парный глагол *ночевать* — *заночевать*, а вместо двувидового глагола *конфисковать* — парный глагол *конфисковать* — *конфисковывать*.

2.5. Категория залога — это словоизменительная грамматическая категория глагола, которая отражает ситуацию, включающую действие, субъект и прямой объект, и представляет ее или как ак-

тивное действие субъекта, или как состояние объекта, возникающее в результате этого действия: *Почтальон доставляет корреспонденцию* <—> *Корреспонденция доставляется почтальоном*. В первой конструкции (которую принято называть действительным оборотом речи, активом) субъект (производитель действия) обозначен подлежащим, а объект (лицо или предмет, на который направлено действие) — прямым дополнением; во второй конструкции (которую принято называть страдательным оборотом речи, пассивом) субъект обозначен дополнением, а объект — подлежащим. Семантически эти конструкции очень близки, но полного тождества между ними все же нет. Обе фразы описывают (отражают) одну и ту же внеязыковую ситуацию, но под разными углами зрения: в действительном обороте речи глагол обозначает активное действие субъекта, а в страдательном — состояние объекта, возникающее в результате этого действия. «...Их противопоставление базируется на различной языковой семантической интерпретации указанной инвариантной смысловой структуры» (Бондарко, 1976, с. 48). Категорию залога можно называть интерпретационной (см.: Бондарко, 1976, с. 48). «Интерпретационный характер залоговой семантики заключается в грамматической категоризации разного подхода говорящего к одной и той же ситуации (со стороны субъекта или со стороны объекта), категоризации разных акцентов в смысловой структуре, разной «фокусировки» смысла» (Бондарко, 1976, с. 48).

Категория залога свойственна не всем глаголам, а только тем, которые обозначают ситуацию, включающую действие, субъект и прямой объект. Иначе говоря, категория залога свойственна только субъектным (личным) переходным глаголам. Бессубъектные (безличные) и непереходные глаголы стоят вне категории залога: *Его тошнит* (безличный); *Ребенок спит* (непереходный). Сказанное тем более относится к бессубъектным непереходным глаголам типа *Вечерет*.

Единицы типа *доставляет* — *доставляются*, обозначающие одно и то же действие, а значит, имеющие одно и то же лексическое значение и различающиеся грамматическими значениями залога, — это формы (словоформы) одной глагольной лексемы — *доставлять*. Переходная невозвратная форма *доставляет* — форма действительного залога, а непереходная возвратная форма *доставляются* — форма страдательного залога. Иначе говоря, действительный залог не имеет специального формального показателя (аффикса). Он обнаруживается не в самом глаголе, а в его окружении, в наличии при нем позиций субъекта и прямого объекта (подлежащего и дополнения). Что касается страдательного залога, то он выражается возвратными формами переходных глаголов и страдательными причастиями с суффиксами *-нн-*, *-енн-* и *-т-* (или аффиксами *-ся*, *-нн-*, *-енн-*, *-т-*). Страдательные причастия являются наиболее

«удобной» формой страдательного залога: они однозначны и всегда имеют страдательное значение. Формы же с суффиксом *-ся* обычно совмещают значение страдательности с каким-либо другим значением. Например: *Документы направляются (направлены) на экспертизу — Туристы направляются (едут) в Петродворец.*

Субъектные переходные глаголы отличаются от бессубъектных непереходных глаголов не только семантически и морфологически, но и синтаксически: только эти глаголы допускают трансформацию пассивизации²². Таким образом, залоговые глаголы отличаются от внезалоговых семантически, морфологически и синтаксически. Следовательно, категория залога имеет сложную лексико-грамматическую (лексико-морфолого-синтаксическую) природу.

Значение действительного залога обычно реализуется во всех глагольных формах, а значение страдательного залога — не во всех: оно не реализуется в словоформах 1-го и 2-го лица, повелительного наклонения и в деепричастии (например, не образуются и не используются страдательные формы типа «*изучаюсь*», «*изучаешься*», «*изучайся*» и «*изучаясь*»), потому что перечисленные формы обозначают процессуальный признак субъекта, а страдательные формы — признак объекта. Таким образом, залоговая парадигма глагола часто бывает неполной.

Отдельные глаголы действительного залога вообще не допускают соотносительных форм страдательного залога. Например: *благодарить* ---> «*благодарюсь*», «*благодарен*», *доконать* ---> «*докопался*», *застать* ---> «*застался*», *лизнуть* ---> «*лизнулся*» *уверить* ---> «*уверился*» (*тобою*) и т. д. Отсутствие страдательных форм у этих и других глаголов, по-видимому, объясняется семантическими причинами, в частности возможностью омонимического столкновения. Глаголы, лишенные соотносительных форм страдательного залога, можно назвать непарными, однозалоговыми. Непарных глаголов страдательного залога в русском языке нет, поскольку форма страдательного залога является производной по отношению к форме действительного залога.

В специальной характеристике нуждаются залоговые значения причастий. Страдательные причастия — это всегда причастия страдательного залога. Что же касается действительных причастий, то среди них есть и причастия действительного залога (*ученик, решающий задачу*), и причастия страдательного залога — обязательно с суффиксом *-ся* (*книга, писавшаяся автором более десяти лет*), и причастия, стоящие вне категории залога, так как они образованы

---

²² Трансформацией будем называть преобразование одной фразы (конструкции) в другую, при котором сохраняется денотативное (предметное, ситуативное) значение (смысл) и лексический состав фразы, но меняется направление синтаксической зависимости и сигнификативное значение (т. е. способ представления той же самой ситуации).

от внезалогового глагола (*спящий ребенок*). Иначе говоря, понятие «действительное причастие» значительно шире понятия «причастие действительного залога». Действительное причастие — это причастие, которое называет признак предмета по действию, которое производит сам предмет: *изучающий, подходящий, лежащий*. Причастие действительного залога — это действительное причастие, которое называет действие, производимое самим предметом и переходящее на прямой объект: *студент, изучающий филологию*.

Итак, действительные причастия с суффиксом *-ся* могут иметь страдательное значение. Но употребляются они только тогда, когда соответствующее страдательное причастие не образуется или является малоупотребительным; ср.: *дом, строившийся рабочими* — «*дом, строенный рабочими*» (от глагола несовершенного вида *строить* страдательное причастие не образуется); *дом, строящийся рабочими* — «*дом, строимый рабочими*» (причастие *строимый* малоупотребительно). «При наличии причастий обоих типов, — писал А. Н. Гвоздев, — возвратное причастие едва ли желательно там, где страдательность выражена отчетливо (когда налицо творительный действующего лица), оно более уместно, когда страдательное значение затушевано; так, более приемлемо: *Книга, много и охотно читающаяся*; или не вызывает возражений: *Явления, наблюдающиеся в быту* (существующие), но лучше *Явления, наблюдаемые нами*» (Гвоздев, 1955, с. 250—251; выделено автором. — Ю. Ф.).

Возвратный суффикс *-ся* многозначен. В одних случаях он выступает как формообразующий, в других — как словообразующий. Когда суффикс *-ся* присоединяется к переходному глаголу и придает ему страдательное значение, он выступает как формообразующий; когда суффикс *-ся* присоединяется к тому или иному глаголу и придает ему новое лексическое (предметное, вещественное) значение, он выступает как словообразующий. Ср.: 1) *редактирует* — *редактируется, прочитывает* — *прочитывается, доставляет* — *доставляется*; 2) *причесывает (девочку)* — *причесывается, (Я) обнимаю (друга)* — *(Мы) обнимаемся, (Мальчик) радуется (родителей своими успехами)* — *(Родители) радуются (успехам мальчика), (Сосед) запасает (продукты на зиму)* — *(Сосед) запасается (на зиму), (Корова) бодает / боднула (прохожего)* — *(Корова) бодается*. Многие исследователи рассматривают глаголы типа *причесывается, обнимаемся, радуются, запасается, бодается* и др. как возвратные формы соответствующих переходных глаголов — с общим значением так называемого возвратно-среднего залога, указывающего на сосредоточенность действия в самом субъекте. Можно ли, однако, считать, что, например, глаголы *бодает* и *бодается* имеют одно и то же лексическое значение? Вспомним, что глагол *бодает* обозначает активное конкретное действие коровы, направ-

ленное на какого-либо человека или животное, а глагол *бодается* обозначает склонность коровы производить соответствующее действие. Таким образом, эти глаголы имеют разные (хотя и близкие) лексические значения и, следовательно, являются разными словами. Значит, во всех рассматриваемых случаях мы имеем дело не с формообразованием, а со словообразованием.

Возвратные глаголы, образованные от непереходных (*дремлется, работается, спится; грозится, плачется, стучится; белеется краснеется, чернеется*), тоже относятся к сфере словообразования.

В русском языке есть небольшая группа возвратных глаголов, которые не имеют соотносительных невозвратных (*бояться, гордиться, кланяться, любоваться, смеяться, соревноваться* и др.). Они, естественно, стоят вне категории залога²³.

2.6. Категория наклонения — это словоизменительная грамматическая категория глагола, выражающая устанавливаемое говорящим отношение действия к действительности (модальность). Категория наклонения представляет собой трехчленную оппозицию, включающую изъявительное (*рисую*), повелительное (*рисуй*) и сослагательное (*рисовал бы*) наклонения. Форма изъявительного наклонения обозначает реальное действие, имеющее место в прошедшем, настоящем или будущем: *надеялся, надеюсь, буду надеяться*. Форма повелительного наклонения выражает побуждение к совершению действия: *надейся*. Это может быть приказ, требование, предостережение, предложение, просьба и совет. Форма сослагательного наклонения указывает на действие, которое говорящий считает возможным или желаемым: *Мой конь и доныне носил бы*

---

²³ Изложенная здесь концепция залога отражена в работах: **Мещанинов И. И.** Общее языкознание. — Л., 1940. — С. 64; **Он же.** Члены предложения и части речи. — М.; Л., 1945. — С. 254 — 255; **Он же.** Глагол. — М.; Л., 1948. — С. 110—111; **Панфилов В. З.** О залоге глагола в нивхском языке // Вопросы грамматики. — М.; Л., 1960. — С. 103—106; **Он же.** Грамматика и логика. — М.; Л., 1963. — С. 64—68; **Он же.** Философские проблемы языкознания: Гносеологич. аспекты. — М., 1977. — С. 119—120; **Аврорин В. А.** Грамматика нанайского языка. — М.; Л., 1961. — Т. 2. — С. 32; **Панов М. В.** Русский язык // Языки народов СССР. М., 1966. — Т. 1. — С. 82—83; **Моисеев А. И.** О категории залога в русском языке: (К постановке вопроса) // Уч. зап. / ЛГУ. — 1958. — № 235. Сер. филол. наук. — Вып. 38. Исслед. по грамматике рус. яз. — С. 214—215; **Королев Э. И.** О залоге русского глагола // Мысли о современном русском языке. — М., 1969. — С. 213—214; **Фоменко Ю. В.** О бинарной концепции залога // Науч. тр. / Новосиб. гос. пед. ин-т. — 1971. — Вып. 69. Вopr. теории рус. яз. — С. 22—29; **Он же.** О концепции залога в «Грамматике современного русского литературного языка» 1970 года // Фонетические и морфологические исследования по русскому языку и сибирской диалектологии: Докл. и сообщ. межвуз. семинара каф. рус. яз. высш. учеб. зав. Зап. Сибири (Барнаул, 29 сент. — 1 окт. 1971 г.). — Барнаул, 1972. — С. 97—102; **Он же.** Глагол // Современный русский литературный язык / Под ред. П. А. Леканта. — М., 1982 — С. 221—226; **Бондарко А. В.** Грамматическое значение и смысл. — Л., 1978. — С. 58—66. Это бинарная концепция залога.

меня (П.). Сослагательное наклонение употребляется в двух основных значениях — условном и желательном (в связи с чем его иногда называют условно-желательным). Сослагательное наклонение со значением условия обычно употребляется в сложноподчиненных предложениях с придаточным условия (как в главной, так и в придаточной части): *Когда бы жизнь домашним кругом я ограничить захотел., то, верно б, кроме вас одной, невесты не искал иной* (П.). Сослагательное наклонение со значением желательности используется в простом предложении: *Села бы у окошка и никуда бы не уходила* (Пауст.).

Изъявительное наклонение не имеет специального форманта. Оно выражается с помощью морфем времени, лица и числа: *иду*.

Повелительное наклонение образуется от основы настоящего (будущего) времени и выражается с помощью суффикса и формообразующих частиц. Форма 2-го лица единственного числа имеет суффикс *-и* или нулевой суффикс (и нулевое окончание). Суффикс *-и* употребляется в случае, если в форме 1-го лица единственного числа настоящего времени ударение падает на окончание: *иду́ — иди́, сижу́ — сиди́, несу́ — неси́* (исключения: *боюсь — бойся, пою — пой, стою — стой*). Суффикс *-и* употребляется также в глаголах с приставкой *вы-*, «перетягивающей» на себя ударение (*вы́неси, вы́веди*), и в глаголах с основой на группу согласных (*крикни, оформи, продолжи, почисти* и т. д.; в разговорной речи возможны и редуцированные формы типа *почисть*). Нулевой суффикс употребляется, если в форме 1-го лица единственного числа настоящего времени ударение падает на основу (при этом конечный парный твердый согласный основы становится мягким): *бросаю — бросай, кину — кинь, сяду — сядь*.

Форма 2-го лица множественного числа образуется от формы 2-го лица единственного числа с помощью окончания *-те*: *сиди — сидите, читай — читайте, ляг — лягте*.

Формы повелительного наклонения 3-го лица являются аналитическими (составными). Они образуются сочетанием частиц *пусть* и *пускай* (разг.) с формами 3-го лица единственного или множественного числа настоящего или будущего простого времени: *пусть читает, пускай бегают*. В высоком стиле вместо частицы *пусть* используют частицу *да*: *Да умирится же с тобой и побежденная стихия...* (П.). Формы 3-го лица повелительного наклонения чаще выражают пожелание. Они могут относиться не только к лицам, но и к неодушевленным предметам. Подлежащее при них обязательно.

Повелительное наклонение имеет также формы 1-го лица множественного числа типа *идем, пойдём, садимся, возвращаемся* (омонимичные формам 1-го лица множественного числа настоящего или будущего времени). Форма типа *пойдём* обозначает побуждение к действию, которое должен совершить собеседник (собесед-

ники) и сам говорящий (в связи с чем эта форма носит название формы совместного действия). Форма типа *пойдемте* отличается от формы *пойдем* оттенком вежливости. Форма *пойдем* может сопровождаться частицей *давай* (*давайте*). Глаголы несовершенного вида образуют форму *давай* (*давайте*) *играть* (редко — *будем играть, давай будем играть*). Частица *давай* (*давайте*) может сопровождать формы 2-го лица: *давай пиши!*, *давайте пишите!* Частица *давай* (*дай*), *давайте* (*дайте*) может сочетаться с формами 1-го лица будущего времени: *Давайте я прочитаю*.

К формам повелительного наклонения может присоединяться частица *-ка*, смягчающая повеление и придающая высказыванию оттенок непринужденности, простоты: *Сходи-ка за хлебом!* Частица *смотри*, напротив, усиливает приказание: *Смотри не заплывай далеко!*

Побуждение чаще всего адресуется собеседнику, поэтому самой употребительной является форма 2-го лица.

Категории времени повелительное наклонение не имеет. Но поскольку формы повелительного наклонения выражают побуждение, постольку они обозначают действия, которые могут произойти только после соответствующего высказывания.

Глаголы, которые обозначают действия и состояния, совершающиеся без деятеля или не зависящие от воли действующего лица, в повелительном наклонении не употребляются. К ним относятся безличные глаголы (*вечереет, лихорадит, тошнит*), глаголы восприятия (*видеть, слышать, ощущать*), глаголы состояния (*мерзнуть, не домогать, обессилеть*), модальные глаголы (*желать, мочь, хотеть*) и др. Однако формы типа *Пусть его тошнит* допустимы.

Форма сослагательного наклонения представляет собой сочетание формы прошедшего времени²⁴ глагола с частицей *бы*: *сказал бы*.

Формы сослагательного наклонения, так же как и прошедшего времени, не изменяются по лицам (*я сказал бы, ты сказал бы, он сказал бы*), но изменяются по родам и числам (*сказал бы, сказала бы, сказало бы, сказали бы*). Категории времени сослагательное наклонение не имеет. Реальное время действия, обозначенного формой сослагательного наклонения, выражается не грамматически, а лексически, средствами контекста. Ср.: *Если бы ты вернулся вчера, мы бы успели* — *Если бы ты вернулся завтра, мы бы успели*²⁵.

---

²⁴ Точнее было бы говорить об омонимическом совпадении основного компонента формы сослагательного наклонения с формой прошедшего времени, так как этот компонент не имеет значения времени.

²⁵ О метафорическом употреблении форм наклонений см.: Фоменко Ю. В. Глагол // Современный русский литературный язык: Учеб. / Под ред. П. А. Леканта. — 2-е изд., испр. — М., 1988. — С. 231.

2.7. Категория времени — это словоизменительная грамматическая категория глагола, которая характеризует время совершения действия по отношению к моменту речи. Она представляет собой оппозицию трех грамматических значений — прошедшего, настоящего и будущего времени. Форма прошедшего времени называет действие, происходившее (происшедшее) до момента речи (*читал*), форма настоящего времени — действие, происходящее в момент речи (*читаю*), форма будущего времени — действие, которое будет происходить (произойдет) после момента речи (*буду читать*)²⁶.

Категория времени выражается с помощью окончаний, суффикса *-л* и вспомогательного глагола *быть*.

Формы настоящего времени образуются путем присоединения к основе настоящего времени личных окончаний *-у (иду)*, *-ешь/ишь (идешь/спишь)*, *-ет/ит (идет/спит)*, *-ем/-им (идем/спим)*, *-ете/-ите (идете/спите)*, *-ут/-ят (идут/спят)*.

Будущее время имеет простую (синтетическую) и составную (аналитическую) формы. Глаголы совершенного вида образуют формы будущего простого времени, глаголы несовершенного вида — будущего составного. Формы будущего простого образуются точно так же, как и настоящего, и отличаются лишь грамматическим значением вида; ср.: *пишу* (наст. время) — *решу* (буд. время). Формы будущего составного времени представляют собой сочетание личных форм вспомогательного глагола *быть* и инфинитива основного глагола: *буду писать*. Вспомогательный глагол в составной форме служит средством выражения грамматического значения времени, а также лица, числа и наклонения.

Как доказать, что сочетание *буду писать* является не сочетанием двух слов, а составной формой будущего времени глагола *писать*? Если бы это сочетание было сочетанием двух полнозначных слов, то глагол *буду* имел бы лексическое значение существования и допускал бы и другие формы времени, в частности прошедшего: «*был писать*». Однако это невозможно. Следовательно, глагол *буду* является служебным словом, а сочетание *буду писать* представляет собой составную форму одного слова. Как составную форму будущего времени иногда истолковывают сочетания *стану писать*, *начну писать*. Но это неверно: глаголы *стану* и *начну*, в отличие от *буду*, имеют лексическое значение («приступ к действию»), не являются служебными и — в силу этого — в сочетании с инфинитивом могут иметь также форму прошедшего времени (*стал писать*, *начал писать*). Это доказывает, что *стану писать* и *начну писать* — сочетания двух глаголов (составные сказуемые).

---

²⁶ Более подробная характеристика значений форм времени содержится в: Фоменко. Указ. соч. — С. 233—234.

Формы прошедшего времени образуются путем присоединения к основе инфинитива суффикса *-л-*: *писа-ть* + *-л-* = *писал*. Глаголы с основой инфинитива на согласный и на *-ере-* суффикс *-л-* в формах мужского рода утрачивают (имеют нулевой суффикс прошедшего времени): *нести* — *нес*, *ползти* — *полз*, *печь* — *пек*, *вытереть* — *вытер*. Глаголы с суффиксом *-ну-*, имеющим значение состояния или постепенного перехода в какое-либо состояние, в форме прошедшего времени этот суффикс обычно теряют: *мерзнуть* — *мерзла*, *пахнуть* — *пахла*, *сохнуть* — *сохла* (в формах мужского рода утрачивается и суффикс *-л-*: *мерз*, *пах*, *сох*). Глаголы с омонимичным суффиксом моментальности в формах прошедшего времени этот суффикс сохраняют: *взглянул*, *пихнул*, *толкнул*. Глагол *идти* (с производными) образует формы прошедшего времени от другой основы (супплетивно): *шел*, *шла*, *шло*, *шли*.

Формы прошедшего времени, в отличие от форм настоящего и будущего, не изменяются по лицам, но изменяются по родам. И то, и другое необычно для глагола. Объясняется это тем, что современная форма прошедшего времени восходит к древнерусскому причастию прошедшего времени на *-л-*, с помощью которого образовывались формы перфекта, плюсквамперфекта, будущего сложного второго и сослагательного наклонения. Причастие не изменяется по лицам, но изменяется по родам. Бывшее причастие на *-л-*, превратившись в современную форму прошедшего времени, сохранило изменение по родам и числам.

Разговорной речи известны две особые формы прошедшего времени. Во-первых, это глагольные междометия типа *бац*, *бряк*, *бух*, обозначающие мгновенные действия в прошлом: *А она бряк на пол, и все!* (Кав.). Во-вторых, это формы, омонимичные формам 2-го лица единственного числа повелительного наклонения типа *скажи*, *упади*, *тряхни* и обозначающие мгновенное прошедшее действие с оттенком внезапности: *Блесни мне тут счастливая мысль* (Т.). Кроме того, встречается сочетание инфинитив + *ну*, имеющее значение резкого приступа к действию в прошлом: *А она ну рыдать*.

Те значения временных форм, которые определяются по отношению к моменту речи, называются в грамматике абсолютными. Формы времени могут также иметь относительные значения, если точкой отсчета для определения времени действия является время совершения другого действия. Эти значения обычно обнаруживаются в сложноподчиненных предложениях с изъяснительной придаточной частью. Ср.: *Наступает лето* (настоящее абсолютное: время действия наступает совпадает с моментом речи) — *Все радовались тому, что наступает лето* (настоящее относительное: время действия наступает совпадает с временем действия радовались). Абсолютные и относительные значения форм времени различаются только в контексте, в фразе.

Категория времени тесно связана с другими категориями глагола, прежде всего — наклонения и вида. Связь с категорией наклонения проявляется в том, что категория времени свойственна лишь глаголам в форме изъявительного наклонения но не свойственна глаголам в формах повелительного и сослагательного наклонений. Связь с категорией вида проявляется в том, что глаголы совершенного вида не имеют личных и причастных форм настоящего времени и образуют будущее простое, а глаголы несовершенного вида имеют личные и причастные формы настоящего времени и образуют будущее составное.

2.8. Категория лица — это словоизменительная грамматическая категория глагола, указывающая на производителя действия. Эта категория представляет собой оппозицию трех значений и форм — 1-го, 2-го и 3-го лица. Если производителем действия является говорящий, используется форма 1-го лица (*пою*), если слушающий — форма 2-го лица (*поешь*), если, наконец, лицо (или предмет), не участвующее в диалоге, — форма 3-го лица (*поет*). Форма 1-го лица множественного числа (*поем*) означает, что действие совершают говорящий и кто-то еще²⁷.

Категория лица выражается с помощью личных окончаний *-у* (*иду*) *-ешь/-ишь* (*идешь/молчишь*), *-ет/-ит* (*идет/молчит*), *-ем/-им* (*идем/молчим*) *-ете/-ите* (*идете/молчите*), *-ут/-ат* (*идут/молчат*) в изъявительном наклонении и суффиксов, окончаний и служебных слов *-и/Ø* (*иди/сядь*), *пусть/пускай* + форма времени (*пусть идет*), *-ем* + *-те* (*идемте*), *-и/Ø* + *те* (*идите/сядьте*), *пусть/пускай* + форма времени (*пусть идут*) в повелительном наклонении. Категория лица обнаруживается только в формах настоящего и будущего времени изъявительного наклонения и в формах повелительного наклонения. Формы прошедшего времени и сослагательного наклонения категории лица не имеют; производитель действия в этих случаях обозначается личными местоимениями или именами существительными: *Я пришел, Ты пришел, Он пришел, Сосед пришел*.

Некоторые (так называемые недостаточные) глаголы имеют неполную парадигму лица, поскольку не употребляются в формах 1-го и 2-го лица единственного и множественного числа настоящего и будущего простого времени. В подавляющем большинстве случаев это объясняется семантическими причинами: анализируемые глаголы обозначают действия, свойственные не человеку (способному участвовать в процессе речевой коммуникации), а животным, растениям, предметам, событиям, явлениям природы: *котится, ще-*

---

²⁷ О переносных значениях форм лица см.: Фоменко Ю. В. Глагола // Современный русский литературный язык: Учеб. / Под ред. П. А. Леканта. — 2-е изд., испр. — М. 1988. — С. 235—236.

ниться; прорасти, разрастись; пригореть, ужариться; простить, толстить; назревать, произойти; мерцать, струиться. Глаголы типа *галдеть, обступить, сбежаться, скопиться* не употребляются в формах 1-го и 2-го лица единственного числа, поскольку обозначают действия нескольких лиц. Отсутствие форм 1-го лица единственного числа у глаголов типа *бузить, дерзить, тузить* может быть объяснено желанием говорящих избежать омонимического совпадения словоформ разных глаголов: *бужу* от *бузить* или *будить*?; *держу* от *дерзить* или *держать*?; *тужу* от *тузить* или *тужить*? Не употребляются формы 1-го лица единственного числа (которые должны оканчиваться неудобопроизносимыми сочетаниями *-жу, -чу, -шу, -щу*) глаголов *дудеть, победить, убедить, чудить; очутиться, приютить; басить, дубасить; застить, шерстить*.

В русском языке есть группа глаголов, которые называют действия, происходящие без участия каких-либо действующих лиц. Такие глаголы не имеют категории лица и называются безличными. Безличным глаголам свойственна сокращенная парадигма: они не изменяются по лицам, числам и родам, не имеют форм повелительного наклонения, причастий и деепричастий. Их парадигма включает лишь инфинитив, две или три формы времени и одну форму сослагательного наклонения (4—5 словоформ). Например: *светать, светало, светает, будет светать, светало бы*. При безличных глаголах нет и не может быть подлежащего.

Многозначные глаголы в разных значениях могут выступать то как личные, то как безличные; ср.: *Пароход тянет баржу — Тянет ко сну*.

2.9. Категория степеней сравнения — это словоизменительная грамматическая категория прилагательных, наречий и слов категории состояния, указывающая на степень проявления соответствующего признака: *умный — умнее — самый умный*. Эта категория включает в себя три однородных грамматических значения и соответствующие им формы выражения — положительную, сравнительную и превосходную степени. Форма положительной степени называет признак безотносительно к идее сравнения (*умный*); форма сравнительной степени указывает на то, что обозначаемый именем прилагательным признак характерен для данного предмета в большей степени, чем для другого (*Аня умнее Светы*); форма превосходной степени указывает на то, что обозначаемый именем прилагательным признак характерен для данного предмета в самой высокой степени по сравнению со всеми предметами данного ряда (*Аня — самая умная девочка в классе*). Сравнительную степень называют еще компаративом, а превосходную — суперлятивом. Превосходная степень может иметь и элативное значение — указывать не на самую высокую, а лишь на очень высокую степень проявления признака: *умнейший человек*.

Формы сравнительной и превосходной степени могут быть синтетическими и аналитическими.

Синтетическая (простая) форма сравнительной степени образуется от основы имени прилагательного (а также наречия и категории состояния) с помощью формообразующих суффиксов *-ее (-ей), -е, -ше*: *умный — умнее (умней), тихий — тише, ранний — раньше*. Аналитическая (составная) форма сравнительной степени представляет собой сочетание формы положительной степени со словом *более*²⁸: *более умный*.

Синтетическая (простая) форма превосходной степени образуется от основы положительной степени с помощью формообразующего суффикса *-ейш(-айш-)*: *умный — умнейший, тихий — тишайший*. Аналитическая (составная) форма превосходной степени образуется тремя способами: 1) прибавлением к форме положительной степени имени прилагательного вспомогательного слова *самый*: *самый умный*; 2) прибавлением к форме положительной степени вспомогательного слова *наиболее*²⁹: *наиболее умный*; 3) прибавлением к форме компаратива вспомогательного слова *всего* (если предмет неодушевленный) или *всех* (если предмет одушевленный): *дороже всего, умнее всех*³⁰.

Категории рода, числа и падежа прилагательных (а также причастий, порядковых числительных и местоимений-прилагательных) и категории рода и числа глаголов принято называть согласовательными, бессодержательными, дублирующими соответствующие категории существительных (субстантивов): *добросовестный студент, добросовестная студентка, добросовестные студенты; пришел студент, пришла студентка, пришло настроение, пришли студенты* и т. д. Однако формы рода, числа и падежа прилагательных и рода и числа глаголов тоже отражают определенные элементы вне-

---

²⁸ Некоторые грамматисты полагают, что аналитическая форма сравнительной степени может образовываться и с помощью слова *менее*: *менее умный*. Но это противоречит общепринятому пониманию значения сравнительной степени, которая указывает на то, что обозначаемый именем прилагательным признак характерен для данного предмета в большей степени, чем для другого. *Более умный* имеет то же значение, что и *умнее*, а *менее умный* — противоположное значение.

²⁹ Некоторые языковеды считают, что аналитическая форма превосходной степени может образовываться и с помощью слова *наименее*: *наименее умный*. Но это противоречит общепринятому пониманию значения превосходной степени, которая указывает на то, что обозначаемый именем прилагательным признак характерен для данного предмета в самой высокой степени по сравнению со всеми предметами данного ряда. *Наиболее умный* имеет то же значение, что и *умнейший*, а *наименее умный* — противоположное значение.

³⁰ Превосходная степень наречий (и категории состояния) обычно образуется аналитически. Синтетическая форма суперлатива наречий (с суффиксом *-ейше/-айше*) используется очень редко (в устойчивых выражениях *покорнейше благодарю, нижайше кланяюсь*) и имеет ахраическую окраску.

языковой действительности, а именно указывает на то, какому предмету принадлежит соответствующий признак или действие. «Так, например,— пишет А. А. Зализняк, — атрибутивная синтаксическая связь между словоформами *белый* и *дом* в словосочетании *белый дом* отражает внеязыковое отношение между домом и белизной (а именно то, что свойство белизны принадлежит дому)» (Зализняк, 1967, с. 24; выделено автором. — Ю. Ф.; см. также: Бондарко, 1976, с. 39), предикативная связь между словоформами *студент* и *пришел* в фразе *Студент пришел* отражает внеязыковое отношение между студентом и приходом, а именно то, что действие пришел совершено студентом.

Вопросы для самопроверки

1. Что такое грамматическая категория?
2. Перечислите морфологические категории современного русского языка.
3. Охарактеризуйте грамматическую категорию рода имен существительных.
4. Охарактеризуйте грамматическую категорию числа имен существительных.
5. Охарактеризуйте грамматическую категорию падежа имен существительных.
6. Охарактеризуйте грамматическую категорию вида глагола.
7. Охарактеризуйте грамматическую категорию залога глагола.
8. Охарактеризуйте грамматическую категорию наклонения глагола.
9. Охарактеризуйте грамматическую категорию времени глагола.
10. Охарактеризуйте грамматическую категорию лица глагола.
11. Охарактеризуйте грамматическую категорию степеней сравнения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подведем некоторые итоги.

Грамматические значения — это значения, сопровождающие лексические, отражающие признаки, свойственные большим классам предметов, и выражающиеся с помощью того или иного грамматического средства. Различительными признаками грамматических значений являются: категориальность, абстрактность, зависимость от частеречных сем, количественная ограниченность, оппозитивность, выражение с помощью того или иного грамматического средства, обязательность, «одновременная многозначность», регу-

лярные отношения с грамматическими значениями, а также (предположительно) односемность.

Частеречные значения есть основания считать ядерными семами лексических значений, а не грамматическими значениями.

Значения служебных слов не являются грамматическими в строгом смысле этого термина. Они стоят ближе к лексическим. В то же время служебные слова имеют свою специфику: выражают отношения, не выполняют номинативную функцию, не обладают признаком самостоятельности и не являются членами предложения, что сближает их со служебными морфемами (флексиями).

Грамматическая форма — это показатель (выразитель) грамматического значения. Употреблять этот термин в значении «словоформа» нецелесообразно, поскольку это может повлечь за собой смешение словоформы и грамматической морфемы.

Грамматическая категория — это единство однородных и противопоставленных грамматических значений и соответствующих им грамматических форм. Употреблять термин грамматическая категория для обозначения частей речи и лексико-грамматических разрядов слов нецелесообразно. Не являются грамматическими категориями склонения имен и спряжения глаголов, т. е. системы флексий разных частей речи.

Грамматические категории русского языка делятся на морфологические и синтаксические. К морфологическим категориям русского языка относятся категории рода, числа, падежа, вида, залога, наклонения, времени, лица и степеней сравнения. Морфологические категории делятся на словоизменятельные и классификационные. К синтаксическим категориям русского языка относятся СК предикативности, целеустановки, эмоциональной насыщенности, членов предложения, однородности, сравнительности, точности/приблизительности, вводности, вставочности, тема-рематического членения высказывания, сложно-подчиненного предложения, сложносочиненного предложения, бессоюзного сложного предложения, сочинения/подчинения.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Абакумов С. И.** Современный русский литературный язык. — М., 1942. — 184 с.
- Аванесов Р. И., Сидоров В. Н.** Очерк грамматики русского литературного языка. — М., 1945. — 236 с.
- Адмони В. Г.** Основы теории грамматики. — М.: Л., 1964. — 105 с.
- Ахманова О. С.** Очерки по общей и русской лексикологии. — М., 1957. — 295 с.
- Ахманова О. С.** и др. О точных методах исследования языка: (О так называемой «тематической лингвистике»). — Изд-во Моск. ун-та, 1961. — 161 с.
- Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов. — М., 1966. — 607 с.
- Березин Ф. М., Головин Б. Н.** Общее языкознание. — М., 1979. — 416 с.

- Бондарко А. В.** Грамматическая категория и контекст. — М., 1971. — 115 с.
- Бондарко А. В.** Грамматическое значение и смысл. — Л., 1978. — 176 с.
- Бондарко А. В.** Теория морфологических категорий. — Л., 1976. — 255 с.
- Будагов Р. А.** Введение в науку о языке. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 1965 — 492 с.
- Булыгина Т. В.** Грамматические и семантические категории и их связи // Аспекты семантических исследований. — М., 1980. — С. 320—355.
- Булыгина Т. В.** Грамматические оппозиции: (К постановке вопроса) // Исследования по общей теории грамматики. — М., 1968. — С. 175—231.
- Вандриес Ж.** Язык. — М., 1937. — 410 с.
- Васильев Л. М.** К проблеме типологии грамматических категорий // Уч. зап. / Башкир. ун-т. — 1964. — Сер. филол. наук. — № 9 (13). — Вып. 21. Вопр. общего и романо-герм. языкознания. — С. 51—58.
- Васильев Л. М.** Понятийные, семантические и грамматические категории как объект современной лингвистической семантики (к постановке вопроса об их сущности и взаимоотношении) // Исследования по семантике: Семантика слова и фразеологизма: Межвуз. науч. сб. — Уфа, 1986. — С. 3—9.
- Верещагин Е. М.** Слово: соотношение планов содержания и выражения // Вопросы порождения речи и обучения языку. — Изд-во МГУ, 1967. — С. 39—75.
- Виноградов В. В.** Русский язык: (Граммат. учение о слове). — М.; Л., 1947 — 784 с.
- Гайдаржи Г. А., Мотузенко Е. М.** Еще раз о правомерности противопоставления лексического и грамматического значений // Языковая семантика и речевая деятельность. — Кишинев, 1985. — С. 61—66.
- Галкина-Федорук Е. М.** О форме и содержании в языке // Мышление и язык. — М., 1957. — С. 352—407.
- Гвоздев А. Н.** Очерки по стилистике русского языка. — 2-е изд. — М., 1955. — 463 с.
- Гвоздев А. Н.** Современный русский литературный язык. — М., 1958. — Ч. 1. — 406 с.
- Головин Б. Н.** Введение в языкознание. — 2-е изд., испр. — М., 1973. — 320 с.
- Горелов И. Н.** Проблема лингвистического обеспечения искусственного интеллекта // Вопр. языкознания. — 1984. — № 5. — С. 20—27.
- Грехнева Г. М.** Термины «грамматика» и «грамматическая категория» в современных описаниях грамматического строя русского языка // Функционирование терминов в современном русском языке: Межвуз. сб. — Горький, 1986. — С. 78-87.
- Гухман М. М.** Грамматическая категория и структура парадигм // Исследования по общей теории грамматики. — М., 1968. — С. 117—174.
- Денисов П. Н.** Лексика русского языка и принципы ее описания. — М., 1980. — 253 с.
- Зализняк А. А.** Русское именное словоизменение. — М., 1967. — 370 с.
- Звегинцев В. А.** Очерки по общему языкознанию. — Изд-во МГУ, 1962. — 384 с.
- Иванов В. В.** Лингвистика и исследование афазии // Структурно-типологические исследования: Сб. ст. — М., 1962. — С. 70—95.
- Иванова И. П.** К вопросу о типах грамматического значения // Вести. ЛГУ. — 1956. — № 2 — Сер. ист., яз. и лит. — Вып. 1. — С. 105—116.
- Исаченко А. В.** Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология. 1. — 2-е изд. — Братислава, 1965. — 302 с.
- Исаченко А. В.** О грамматическом значении // Вопр. языкознания. — 1961. — № 1. — С. 28-43.
- Исследования по общей теории грамматики. — М., 1968. — 291 с.
- Касевич В. Б.** Элементы общей лингвистики. — М., 1977. — 183 с.
- Клобуков Е. В.** Теоретические проблемы русской морфологии. — М., 1979. — 96 с.

- Кодухов В. И.** Введение в языкознание // Программы педагогический: институтов. — М., 1980. — Сб. 3. — С. 5—15.
- Кодухов В. И.** Грамматические и понятийные значения // Материалы по русско-славянскому языкознанию. — Воронеж, 1963. — С. 252—256.
- Кодухов В. И.** Мышление и языковые значения и функции // Язык и мышление. — М., 1967. — С. 102—115.
- Крушельницкая К. Г.** Грамматические значения в плане взаимоотношения языка и мышления // Язык и мышление. — М., 1967. — С. 214—224.
- Кубрякова Е. С.** Части речи в ономаσιологическом освещении. — М., 1978. — 115 с.
- Кузнецов П. С.** Морфология // Большая советская энциклопедия. — 2-е изд. — М., 1954. — С. 353—354.
- Кузнецов П. С.** О принципах изучения грамматики. — М., 1961. — 100 с.
- Маслов Ю. С.** Введение в языкознание. — М., 1975. — 327 с.
- Маслов Ю. С.** О морфологических средствах современного болгарского языка // Уч. зап. / ЛГУ. — 1952. — № 156. — Сер. филол. наук. — Вып. 15. — С. 155—193.
- Мельчук И. А.** К вопросу о «грамматическом» в языке-посреднике // Машинный перевод и прикладная лингвистика. — М., 1960. — 4. — С. 25—45.
- Мельчук И. А.** О некоторых типах языковых значений // Ахманова О. С., Мельчук И. А., Падучева Е. В., Фрумкина Р. М. О точных методах исследования языка: (О так называемой «математической лингвистике»). — Изд-во Моск. ун-та, 1961. — С. 33—39.
- Милославский И. Г.** Морфологические категории современного русского-языка. — М., 1981. — 254 с.
- Мишина К. И.** Заметки о сложном предложении // Рус. яз. в школе. — 1993. — № 4. — С. 42—45.
- Моисеев А. И.** О грамматической категории // Вестн. ЛГУ. — 1956. — № 2. — Сер. ист., яз. и лит. — Вып. 1. — С. 117—128.
- Мучник И. П.** Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. — М., 1971. — 298 с.
- Никитевич В. М.** Грамматические категории в современном русском языке. — М., 1963. — 246 с.
- Никитин М. В.** К проблеме грамматического значения // Уч. зап./Башкир. ун-т. — 1964. — Сер. филол. наук. — № 9 (13). — Вып. 21. — Вopr. общего и романо-герм. языкознания. — С. 41—49.
- Николаева К. А.** Имя существительное // Русский язык: Учеб. для студентов пед. ин-тов по спец. № 2121 «Педагогика и методика нач. обучения»: В 2 ч. — М., 1989. — Ч. 2. — С. 44—83.
- Новиков Л. А.** Семантика русского языка. — М., 1982. — 272 с.
- Норман Б. Ю.** Грамматика // Общее языкознание / Под общ. ред. А. Е. Супруна. — Минск, 1983. — С. 236—287.
- Общее языкознание / Под общ. ред. А. Е. Супруна — Минск, 1983. — 456 с.
- Общее языкознание: Внутрен. структура яз. — М., 1972. — 565 с.
- Панфилов В. З.** Взаимоотношение языка и мышления. — М., 1971. — 232 с.
- Панфилов В. З.** Философские проблемы языкознания: Гносеол. аспекты. — М., 1977. — 287 с.
- Перетрухин В. Н.** Введение в языкознание: Курс лекций. — Белгород, 1968. — 359 с.
- Пешковский А. М.** Русский синтаксис в научном освещении. — 7-е изд. — М., 1956. — 511 с.
- Плотников Б. А.** О форме и содержании в языке. — Минск, 1989. — 254 с.
- Плотников Б. А.** Основы семасиологии. — Минск, 1984. — 223 с.
- Поливанов Е. Д.** Лекции по введению в языкознание и общей фонетике. — Берлин, 1923. — 96 с.

- Попов А. С.** О грамматической форме и категории в морфологии русского языка // Материалы по русско-славянскому языкознанию. — Воронеж, 1964. — С. 297—300.
- Потебня А. А.** Из записок по русской грамматике. — М., 1958. — Т. 1. — 536 с.
- Размусен Л. П.** О глагольных временах и об их отношении к видам в русском, немецком и французском языках // Журнал Министерства народного просвещения. — 1891. — Июнь, июль, август.
- Реформатский А. А.** Агглютинация и фузия как две тенденции грамматического строения слова // Морфологическая типология и проблема классификации языков: Сб. ст. — М.; Л., 1965. — С. 64—92.
- Реформатский А. А.** Введение в языковедение. — 4-е изд., исп. и доп. — М., 1967. — 542 с.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А.** Справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. — М., 1972. — 445 с.
- Руднев А. Г.** Проблема формы и содержания в языке: Лекция спецкурса «Методология исследований основных проблем грамматики в отечественном языкознании». — Л., 1959. — 28 с.
- Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. — М., 1968. — 367 с.
- Русский язык: Энциклопедия. — М., 1979. — 432 с.
- Савченко А. Н.** Части речи и категории мышления. — Р/Д, 1959— 67 с.
- Салькова Д. А.** К вопросу специфики грамматических значений // Сб науч. тр. / Кур. пед. ин-т. — 1971 [обл.: 1972]. — № 86. — С. 175—182.
- Серебренников Б. А.** К проблеме типов лексической и грамматической абстракции // Вопросы грамматического строя. — М., 1955. — С. 54—73.
- Словарь русского языка: В 4 т. — М., 1961. — Т. 4. — 1083 с.
- Смирницкий А. И.** К вопросу о слове: (Проблема «тождества слова») // Труды / Ин-т языкознания АН СССР. — 1954. — Т. 4. — С. 3—49.
- Смирницкий А. И.** Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. — М., 1955. — С. 11—53.
- Смирницкий А. И.** Синтаксис английского языка. — М., 1957. — 286 с.
- Соболева П. А.** Словообразовательная полисемия и омонимия. — М., 1980. — 294 с.
- Солнцев В. М.** К вопросу о семантике, или языковом значении (вместо предисловия) // Проблемы семантики. — М., 1974. — С. 3—11.
- Солнцев В. М.** Язык как системно-структурное образование. — 2-е изд., доп. — М., 1977. — 341 с.
- Стеблин-Каменский М. И.** Об основных признаках грамматического значения // Вестн. ЛГУ. — 1954. — № 6. — Сер. обществ. наук. — Вып. 2. — С. 159—169.
- Степанов Ю. С.** Основы общего языкознания: Учеб. Пособие. — 2-е изд., перераб. — М., 1975. — 271 с.
- Торопцев И. С.** Ономаσιологический аспект деривации и проблема интеграции деривационных форм // Деривация и полисемия. — Тамбов, 1984. — С. 24—44.
- Успенский Л.** Слово о словах: (Очерки о языке). — Изд. доп. — Мол. гв., 1957. — 382 с.
- Философская энциклопедия. — М., 1970. — Т. 5. — 740 с.
- Финкель А. М.** Морфология // Финкель А. М., Баженов Н. М. Курс современного русского литературного языка. — Киев, 1960. — С. 194—451.
- Фоменко Ю. В.** Учение о слове: Учеб. пособие. — Новосибирск, 1991. — 64 с.
- Фоменко Ю. В.** Язык и речь: Учеб. пособие. — Новосибирск, 1990. — 77 с.
- Хаймович В. С.** Семантика, лексема, граммема // Проблемы изучения семантики языка. — Днепропетровск, 1968. — Ч. 1. — С. 47—49.
- Чейф У.** Значение и структура языка. — М., 1975. — 432 с.
- Черкасова Е. Т.** Переход однозначных слов в предлоги. — М., 1967. — 280 с.

Чесноков П. В. Неогумбольдтианство // Философские проблемы зарубежных направлений в языкознании. — М., 1977. — С. 7—62.

Шанская Т. В. Введение в морфологию//Современный русский язык/Под ред. Д. Э. Розенталя. — Изд-во Моск. ун-та, 1971.—С. 204—210.

Шапкин А. П. О грамматическом значении // Уч. зап. / Моск. гос. пед. ин-т им. В. И. Ленина. — 1969. — № 367. Вопр. грамматики англ. яз. — С. 56—74.

Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. — 2-е изд. — Л., 1941. — 620 с.

Шендельс Е. И. Совместимость/несовместимость грамматических и лексических значений // Вопр. языкознания. — 1982. — № 4. — С. 78—82.

Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. — М., 1957. — 188 с.

Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание). — М., 1984. — 352 с.

Якобсон Р. Избранные работы. — М., 1985. — 455 с.

Ярцева В. Н. Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языков // Типология грамматических категорий: Мещанин. чтения. — М., 1975. — С. 5—23.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение.....	3
Глава 1. Грамматические значения	3
1. Признаки грамматических значений	3
2. О статусе частеречных значений.....	13
3. О значениях служебных слов	14
4. О типологии языковых значений И. А. Мельчука.....	16
5. Об отражательной природе грамматических значений	18
Глава 2. Грамматическая форма	20
1. Грамматическая форма — выразитель грамматического значения	20
2. Можно ли определять грамматическую форму как единство грамматического значения и способа его выражения?	23
Глава 3. Грамматические категории	28
1. Общая характеристика грамматической категории	28
2. Типология грамматических категорий	32
2.1 Категория рода	35
2.2 Категория числа	37
2.3 Категория падежа.....	39
2.4 Категория вида	40
2.5 Категория залога	41
2.6 Категория наклонения	45
2.7 Категория времени.....	48
2.8 Категория лица	50
2.9 Категория степеней сравнения	51
Заключение	53
Цитируемая литература	54

Юрий Викторович Фоменко

**ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЗНАЧЕНИЯ, ФОРМЫ И КАТЕГОРИИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

Учебное пособие

Темплан 1995 г.

Редактор *Н. Г. Петрова*

Технический редактор *О. А. Осинцева*

Сдано в набор 30.12.95 г. Подписано к печати 27.05.96 г. Формат бумаги 60х84/16. Гарнитура литературная. Печать высокая. Уч. изд. л. 3,75. Усл. п. л. 3,49. Тираж 500 экз.
Заказ № 31.

Пединститут, 630126 Новосибирск, 126, Вилуйская, 28.
ГП Полиграфкомбинат, 630007, Новосибирск, Красный проспект, 22.